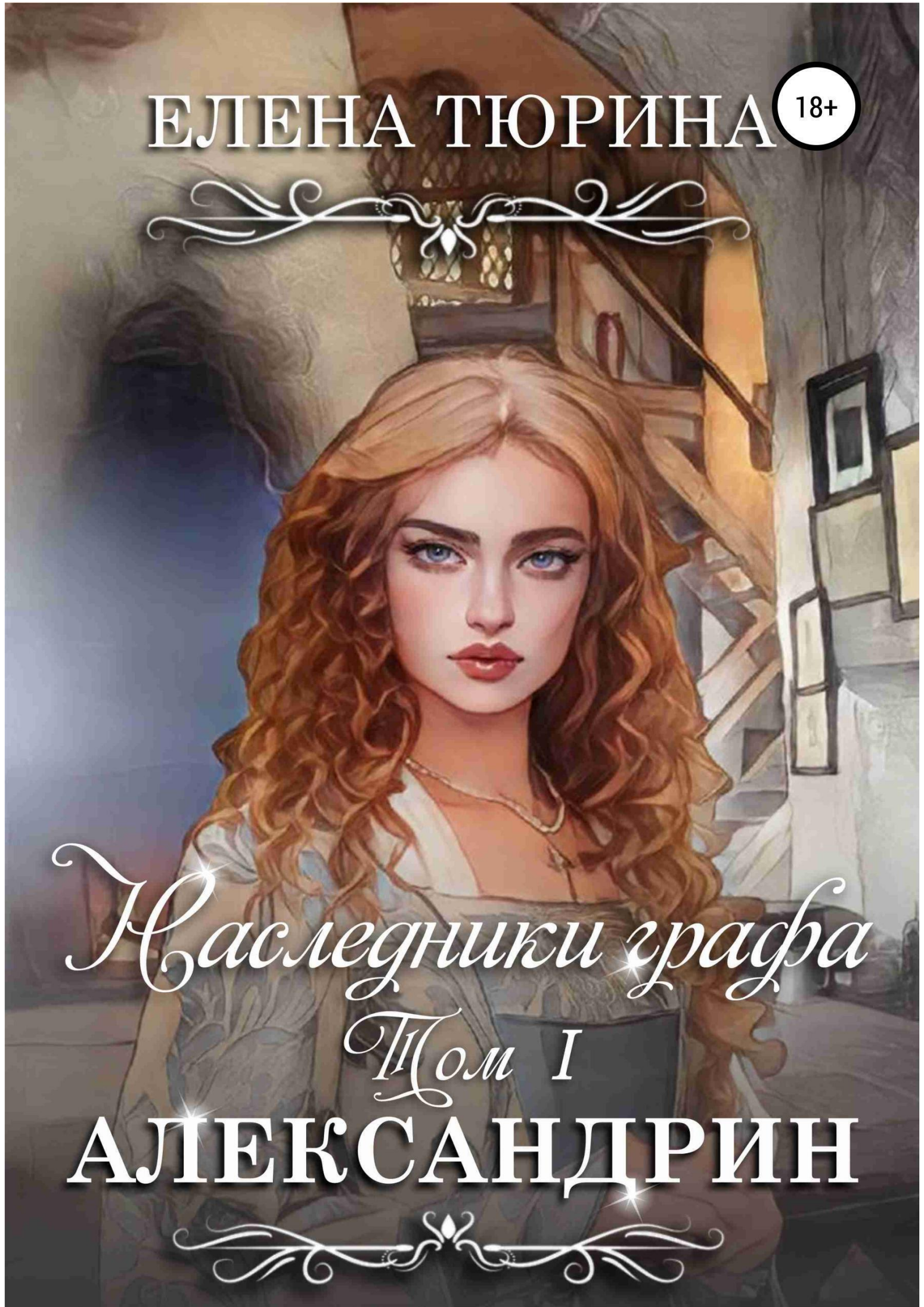
ЕЛЕНА ТЮРИНА
18+
Наследники графа
Том I
АЛЕКСАНДРИН

Елена Тюрина

Наследники графа. Александрин

«Автор»
2014

Тюрина Е. А.

Наследники графа. Александрин / Е. А. Тюрина — «Автор», 2014

Любовные приключения, личные трагедии, опасности и риск - всего этого в избытке при дворе великолепного Короля-Солнце. А ещё договорные браки. Но что если двое не могут и не хотят быть вместе? Им всё равно придётся. Так за них решила судьба в лице родителей. Смирятся ли они?

© Тюрина Е. А., 2014
© Автор, 2014

Содержание

Глава 1. Виконт и виконтесса 5
Глава 2. Разлад в семье 11
Глава 3. Братья 20
Глава 4. Примирение супругов 26
Глава 5. Несостоявшийся жених 38
Глава 6. Неосторожные слова 51
Глава 7. Пожар 61
Глава 8. Внебрачный сын 68
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Елена Тюрина
Наследники графа. Александрин

Глава 1. Виконт и виконтесса

Коты где-то внизу затянули такую тоскливую, протяжную, многоголосую песню, что и не понять сразу, дуэль там у них или серенада в честь прекрасной дамы. Эти нещадно режущие слух звуки совершенно не добавляли романтики её первому вечеру в статусе супруги. Было слышно, как по дорожке парка проехал экипаж. Должно быть, кто-то из гостей покидает поместье.

Виконтесса отошла от окна. Супруг должен был вот-вот появиться, поэтому она принялась торопливо переодеваться в почти невесомую батистовую сорочку, подготовленную специально для первой ночи. Анна не видела, что муж уже вошел и смотрит на ее отражение в зеркале.

— У тебя красивое тело.

— Откуда ты знаешь? — встрепенулась юная виконтесса, выпутываясь из пены батиста. — Ты ведь не подсматривал?

Он улыбнулся, вспоминая только что увиденное.

— Все, — сообщила она и вышла из-за ширмы. — Я тебе нравлюсь?

Перед ним стоял хрупкий ангел с распущенными длинными волосами, сияющими золотом в свете свечей. Молодой человек едва сдерживался, чтобы не наброситься на Анну с поцелуями. Арман боялся напугать ее, свою теперь уже законную супругу, излишней спешкой.

— Чудачка! Конечно, ты мне нравишься! — сказал он.

Черные волосы, мягкими волнами обрамлявшие лицо, смягчали его несколько надменные черты. Она невольно залюбовалась красотой сияющих светлых глаз мужа.

— Я хочу тебя и очень сильно тебя люблю. Я так долго мечтал об этой минуте! — добавил виконт.

Анна не была готова услышать столь откровенные речи. Она отвернулась, чтобы скрыть свое замешательство.

— Что-то не так? — спросил Арман.

— Меня смущают твои слова, — ответила девушка. — Я ведь воспитывалась в монастыре.

Молодой человек не стал комментировать ее слова. Сердце виконтессы колотилось, как сумасшедшее. Она безумно боялась того, что должно было случиться.

— Пожалуйста, погаси свечи.

— Зачем?

— Я очень прошу тебя, — взволнованно сказала Анна. — Погаси.

— Хорошо, если ты настаиваешь.

Девушка кивнула. Виконт выполнил ее просьбу. По тому привычному движению, с каким молодой муж притянул ее к себе, она поняла, что он не раз имел дело с женским полом. Чтобы не испугать, не стал трогать ночную рубашку, только целовал ее губы и лицо. Рукой провел по небольшой аккуратной груди, почти не защищенной тонкой тканью. Анна закрыла глаза. По телу прокатилась теплая волна. Но страхи не давали расслабиться. Когда виконт, наконец, вошел в нее, она глухо вскрикнула. Терпела, закусив губу и крепко зажмурившись.

Утром, когда Арман встал и прошел к кувшину с водой, Анна украдкой посмотрела на мужа. Ее взору впервые открылось его обнаженное тело — мускулистое, с широкими плечами, узкими бедрами и красиво очерченными прямыми ногами. Он заметил, с каким любопытством

его рассматривают и едва заметно улыбнулся. Снова лег с ней рядом, поцеловал в губы. Анна положила голову ему на грудь. Поглаживая ее волосы, он вдруг произнес тихо и задумчиво:

— Однажды ты будешь носить моего ребенка.

Они лежали так еще некоторое время — просто молчали и обнимались.

— Хочешь, я принесу вишен? Их собрали сегодня утром. Ты любишь вишни? — неожиданно спросил Арман.

— Конечно, но это может сделать служанка.

— Нет, я сам принесу их тебе.

Виконт встал, надел халат и вышел. Когда он вернулся, его взору представилась более чем неожиданная картина: молодая жена с напуганным видом стояла у стены, неловко прикрываясь своей ночной сорочкой, а его мать тщательно исследовала простынь на кровати. Полотна балдахина неистово колыхались от ее порывистых движений. Арман замер в дверях и нахмурился.

— Что вы делаете, матушка?

— Ну вот, наконец-то, — вместо ответа проговорила графиня. — Всего пара капелек. Я это забираю.

Она стянула простынь с супружеского ложа и вышла, не удостоив невестку даже взглядом. Виконт последовал за ней.

— Графиня, вы объясните, что это значит?

— А вы разве не знаете, Арман, что так принято? Простынь с кровью молодой жены после первой брачной ночи полагается сохранять.

— Так бесцеремонно врываться в спальню — тоже входит в эту традицию?

— Разве я была бесцеремонна? Вот когда после первой ночи с вашим батюшкой к нам в спальню явились его мать, тетки и сестры — вот это было бесцеремонно.

— Это унизительно.

— Ничего, хочет быть графиней — привыкнет, — с ноткой злорадства бросила мадам де Куси.

— В первую очередь Анна хочет быть моей женой.

— Это она так сказала? — усмехнулась женщина.

— Да, она любит меня не за то, кто я.

— Вы наивны, сын. А я ей не верю.

— Почему?

— Потому что она очень юная и бедная. А юные нищие девушки бывают врушки, — пожала плечами графиня.

Пораженный виконт ничего не ответил на слова матери. Графиня же улыбнулась сыну и потрепала его по волосам:

— Даже не верится, что этот красивый мужчина и есть то дитя, которое я когда-то родила в жестоких муках.

Случившееся окончательно выбило Анну из колеи. Она всхлипывала, уткнувшись лицом в плечо мужа.

— Графиня не верила, что я целомудренна! — тихо пожаловалась девушка.

— Не принимай все это на свой счет. Я два года постигал военную науку на море, а когда вернулся, всех волновал только один вопрос — когда я женюсь. И главное — на ком. Мне в жены даже прочили одну красотку. И теперь графиня просто не может смириться с тем, что я ослушался, сам выбрав себе жену. Но скоро она успокоится.

— Замужем даже суровее, чем в Древней Спарте. Там, по крайней мере, сразу скидывали в пропасть и не мучили.

Такое сравнение насмешило виконта.

— Откуда ты знаешь про законы Спарты?

— Монахини дали мне хорошее образование. А то, что они не рассказывали, я узнавала из книг в библиотеке. Пробиралась туда ночью и читала.

— Могу тебя успокоить — девочек спартанское воспитание не касалось. И вообще то, что слабых мальчиков сбрасывали в одно из ущелий Тайгетовых гор — миф, который описал Платон.

— …А почему ты не захотел жениться на той девушке?

— Потому что она мне не нравилась. Злющая, словно Горгона, — пошутил виконт.

— Медуза Горгона на самом деле не злая. Ее заколдовали, — стала с серьезным видом пояснять Анна. — Это грустная история. Убить спящую, беременную, заколдованную женщину[1]… Как можно после этого называть Персея героем?

Арман удивленно посмотрел на жену.

— Интересное умозаключение. Особенно для твоего возраста.

Когда молодой виконт Арман де Куси де Монмирай решил жениться на юной сироте Анне де Боул, вся его семья восстала против этого брака. И в первую очередь мать, статс-дама королевы Марии Медичи Изабелла де Куси.

Семья жила в старом замке близ Монмирая на северо-востоке Франции, в провинции Шампань. Отец виконта, граф де Куси, был соратником старого короля Генриха IV и являлся одним из тех, кто поддержал его в борьбе за трон. Поэтому род графа, и так бывший одной из ветвей знатнейшей французской фамилии Монморанси, пользовался огромным уважением как при дворе, так и во всей Франции. Породниться с Куси желали многие дворяне. Но двадцатипятилетний виконт, единственный наследник огромного состояния, не спешил связывать себя узами брака. После окончания коллежа Арман несколько лет плавал на военном корабле. Ему даже прочили блестящую карьеру на военно-морском поприще. Однако молодой человек вскоре бросил эту затею, решив, что ему ближе дипломатия, и поступил в Парижский университет.

Виконт повстречал будущую супругу в мае 1619 года во время одной из конных прогулок во владениях отца.

Анна бежала по тропинке, подпрыгивая от избытка чувств. Она любила тут гулять и наслаждаться одиночеством. В последнее время жизнь в доме деда все сильнее тяготила ее. Когда позади раздался конский топот, девушка оглянулась. Красивый молодой человек в костюме цвета слоновой кости и роскошном коричневом плаще спешился. Держа под уздцы коня, он с интересом рассматривал ее. Анне стало невероятно стыдно, когда она поняла, что незнакомец видел, как она по-детски прыгает по тропинке.

— Добрый день, мадемуазель, — сказал молодой человек приятным низким голосом, от которого по спине юной блондинки пробежали мурашки. — Я вас искал.

Понимая, что впервые в жизни видит этого господина, Анна, конечно же, не поверила.

— Что за ерунда? — не очень вежливо фыркнула она.

— Честное слово, — заверил брюнет. — Сегодня отправляясь на прогулку, я решил, что найду самую красивую девушку во Франции, и вот мне повезло.

Анна улыбнулась. Она стояла, спрятав руки за спиной — поза, привычная со времен монастыря, куда мадемуазель де Боул была отдана дедом на воспитание. Девушка рассматривала незнакомца. Широкие плечи, густые темные волосы, потрясающий профиль, чувственное, умное, очень привлекательное лицо, классическая линия подбородка, синие глаза… Арман всегда производил на женщин неизгладимое впечатление, хотя редко придавал этому значение.

— Почему вы здесь одна? — спросил юноша.

— Я всегда здесь гуляю сама, — растерялась блондинка.

— Тогда давайте прогуляемся вместе, — с лукавым видом предложил виконт. — Я провожу вас до дома.

— Хорошо, месье, — уже приветливей отозвалась девушка.

— Как вас зовут?

— Анна.

— А меня Арман.

Обычно уверенная в себе, мадемуазель де Боул держалась очень застенчиво. Ей было неловко за свою скромную одежду и за то, что у нее даже нет гувернантки или компаньонки, которая могла бы сопровождать ее во время прогулок. А еще она была очарована новым знакомым. И было заметно, что юная красавица тоже произвела на Армана чрезвычайно сильное впечатление.

Они долго гуляли, болтая о всякой чепухе. Сначала больше говорил он, но постепенно Анна тоже стала что-то рассказывать. Под конец она совсем оживилась, и даже звонко смеялась его шуткам.

— Если завтра вы не придете в это же время на это же место, — сказал молодой человек. — То я объявлю вас в розыск, и по вашему следу ринутся все ищейки страны.

— В таком случае я лучше приду, — смеясь, ответила девушка.

Она и не догадывалась, что можно быть счастливой до такой степени. Каждый раз встречаясь взглядом с Арманом, она понимала, что он ощущает то же самое. Глаза обоих теперь постоянно светились радостным светом.

Такие встречи стали частыми. И надо отдать должное виконту — он никогда не позволял себе ничего лишнего. А в начале лета сделал Анне предложение, тут же объявив о помолвке родителям.

Девушка была внучкой разорившегося дворянина, мать родила ее от какого-то моряка-англичанина. Тот оказался еще и протестантом. Таким образом, маленькая блондиночка с ангельской внешностью стала позором для своей семьи. Удачное замужество ей не светило, поскольку никакого приданого за семнадцатилетнюю внучку дед не давал. Всем ее богатством были очаровательная внешность, а также исключительной красоты и силы голос. Но виконта и не интересовало ее приданое. Он по-настоящему влюбился впервые в жизни и собирался, не смотря ни на что, сделать любимую своей супругой.

Никто не одобрил желание наследника жениться на бесприданнице. Хорошее происхождение девушки тоже ставилось под сомнение.

— Изабо, я думаю, наш сын уже давно в состоянии отвечать за свои поступки и жить своим умом, — пытался все же поддержать выбор Армана граф де Куси.

Но графиня хоть и слушалась мужа во всем, тут была непримирима. И, тем не менее, виконт добился своего.

День свадьбы стал для Анны днем искренних эмоций и фальшивых улыбок. Поэтому когда он, наконец, подошел к концу, девушка вздохнула почти с облегчением. Почти… Ведь впереди было самое пугающее.

То пренебрежительное отношение, которое Анна сразу почувствовала в доме супруга, проявлялось все яснее. Согласно распоряжению графини де Куси, никто не явился помогать девушке подготовиться к первой брачной ночи. По мнению матери виконта, нечего было оказывать этой проходимке столько чести.

Анна справилась сама. Ей не впервой было самостоятельно расшнуровывать корсет и вынимать из волос многочисленные шпильки. Небрежно сброшенное роскошное свадебное платье нежно розового цвета осталось лежать на кресле… Лиф сего одеяния был расшит серебром и отделан драгоценными камнями, рассыпанными по ткани как маленькие сверкающие звездочки, а верхнюю юбку украшали вышитые цветы и ленты[2].

* * *

Изабелла де Куси, считавшая брак сына мезальянсом, вскоре все же смирилась, поняв, что плебейская супруга виконта прекрасно воспитана и умна. Но мнения своего не поменяла. Через год после свадьбы скончался граф де Куси, а еще через три года, не дождавшись столь желанных внуков, почила его жена.

Так вышло, что наследника молодая графиня подарила супругу лишь через пять лет брака. Это был мальчик, получивший в честь деда имя Ангеранн-Ренард де Куси де Монмирай. Первые роды прошли на удивление быстро. А вот второй сын, родившийся спустя четыре года, появлялся на свет тяжело.

В ту ночь графиня проснулась от тянущей боли в животе. Позвала старую служанку Луизу, помнившую ее супруга еще мальчишкой. Старуха, закатив пышные рукава и склонившись над мадам де Куси, ощупала живот.

— Дитя уже опустилось. Ничего, родите быстро. Хоть и тощая, но бедра широкие. Тем более вторые роды…

У старой Луизы было сосредоточенное лицо. Приказала девушкам принести чистых полотенец, нагреть воды. Схватки усилились, и молодая графиня закусила губу, напряглась. Застонала, откидываясь на подушку. Нахлынули боль и безразличие. Думала только о том, чтобы это все скорее закончилось.

Но время тянулось томительно. Свечи в комнате догорели, служанка зажгла еще. Граф то ходил по коридору, то останавливался напротив ее двери. Из комнаты Анны донесся стон. Потом вскрик. Опять стон. Слышалось бормотание Луизы.

Что-то шло не так. Ребенок упорно не хотел появляться на свет. Уставшая, ослабевшая, плохо соображающая графиня то теряла сознание, то приходила в себя. Луиза постоянно была рядом. Обтирая ее лицо влажным полотенцем, подавая стакан с водой. Уже совсем расцвело, когда младенец, наконец, издал первый писк. Его мать лежала в глубоком обмороке и не знала, что произвела на свет мальчика.

— Ребенок здоровенький, доношенный. А вот мать слишком слаба, — сказала Луиза, заворачивая в пелены дитя. — Кровь не останавливается. Доктора надо звать.

Арман осторожно взял у старухи новорожденного. В комнате было душно и пахло кровью.

За доктором послали еще ночью, поэтому он приехал быстро. Осмотрел так и не приходившую в себя женщину.

— Она выживет? — спросил граф.

Он и сам двигался медленно, устало после бессонной, полной переживаний ночи.

— Думаю, вам нужно быть готовым ко всему. Увы.

Графиня вся горела, бредила. Однако днем кровотечение у нее прекратилось.

— Она выносливая. Будет жить, — с уверенностью заявила Луиза.

Служанка днем и ночью сидела у постели госпожи. Спала тут же в кресле.

Прошло уже несколько дней, было раннее утро, и солнце нещадно светило в окно, когда Луиза буквально подпрыгнула от разбудившего ее голоса:

— Где он? Покажите мне ребенка.

— О, Господи! Напугала-то как! — вскочила, хлопая сонными глазами, словно сова, старуха. — Наконец-то очнулась!

— Где ребенок? — повторила Анна.

— Сейчас, сейчас принесу мальчика.

Однако первым делом Луиза поспешила к графу.

— Мадам в себя пришла! Требует сына! Вставать вздумала, идти за ним. Совсем обезумела, после такой потери крови где только силы берутся подняться!

— Отнесите графине ребенка, — приказал граф де Куси кормилице.

Он вошел в спальню жены вместе с несшей младенца женщиной. Та осторожно передала мальчика матери. Темный пушок на голове, светлое личико, синие глаза…

— Сын… — произнесла Анна, величественно и спокойно глядя на завернутого в белоснежную ткань младенца.

В свете ложившихся на постель между полотнами балдахина солнечных лучей она казалась невероятно прекрасной, словно окруженной сиянием…

Ребенку было решено дать имя Армэль-Валентин. Маленький виконт рос на удивление крепким и здоровеньким.

В год его рождения граф де Куси получил дипломатическую должность в Испании, и семья покинула Францию. Они пока даже не догадывались, что впереди их ждет еще одно радостное событие — появление на свет дочери. А также первый в жизни серьезный разлад…

[1] Медуза Горгона была беременная от изнасиловавшего ее Посейдона. Заколдовала Медузу Афина за то, что та хотела состязаться с ней в красоте.

[2] В 16–17 веках подвенечное платье белого цвета надеть могла лишь «Христова невеста», т. е. девушка, которая захотела посвятить себя Богу, уйти в монастырь. «Обычные» невесты же шли под венец в платьях розового или светло-голубого цвета. Темные цвета не использовались совсем.

Глава 2. Разлад в семье

1636 г. Испания. Мадрид.

Стройная всадница в кремовой амазонке и маленькой треуголке с пышным светлым пером скакала верхом на белом жеребце. В солнечном свете графиня де Куси казалась отлитой из чистого золота статуэткой — так изысканно и прекрасно она выглядела.

На лесной тропе ее уже ждали. Мужчина на вороном коне. Молодой англичанин, только недавно назначенный послом Англии в Испании, был пленен прекрасной француженкой. Он так не хотел ехать сюда! Но эта дивная блондинка с голубыми, как сапфиры глазами, которую он увидел, только сойдя с корабля, так поразила его, что Испания стала казаться лучшей страной во всем мире.

— Вот и вы, — радостно воскликнул мужчина.

Его конь нетерпеливо пританцовывал на месте. Графиня отнюдь не разделяла восторга своего воздыхателя, но влюбленный мужчина не замечал этого. Она подъехала к нему достаточно близко, чтобы Виктор смог дотянуться до нее и поцеловать. Англичанин страстно терзал ее губы поцелуем, в то время как она думала, как же прекратить эти отношения, и слабо сопротивлялась, сдерживая его пылкость. Рука мужчины гладила под юбкой ее ногу в мягком коричневом сапожке и плотно облегающих тело кальсонах. Конь графини нервно отшатнулся, что дало ей возможность отстраниться от навязчивого кавалера. Зачем она вообще с ним связалась, зачем позволила себе эту глупую интрижку? Видимо сказалась обида на мужа. Тот, занятый дипломатическими вопросами, в последнее время уделял супруге мало внимания. А ей, молодой чувственной женщине, мужское внимание было необходимо, как воздух.

— Когда мы с вами снова встретимся? Я ни о чем больше так не мечтаю, как заключить вас в свои объятья, — говорил Виктор.

— Увы, милорд, иногда судьба противится нашим желаниям. Я не могу вам пока ничего обещать, — улыбнувшись, проговорила она.

— Но почему? Давайте спешимся, прогуляемся. Здесь такие густые заросли, нам никто не помешает.

«Еще не хватало, чтоб меня, как уличную девку, лапали в кустах», — подумала Анна.

Она старалась как-то отвлечь лорда, говорила с ним о событиях при дворе, о том, как его встретил король. Однако политика англичанина интересовала мало, когда рядом была эта красавица.

— Я хочу целовать ваши глаза, ваше лицо, ваши прекрасные руки, — с упоением говорил английский посол.

Мужчина снова привлек ее к себе, настойчиво пытаясь поцеловать. Они не обратили внимания на стук копыт. На дороге показалась кавалькада всадников, и в ехавшем впереди человеке можно было узнать графа де Куси. Он увлеченно что-то говорил своим спутникам, когда увидел жену в объятиях другого. Воцарилась тишина. Графиня повернула голову. На дороге замерли трое всадников. Молодая женщина наткнулась на холодный взгляд мужа. Нарядный, в положенных по рангу орденах… Граф молча смотрел на нее такими страшными глазами, что Анна похолодела. Внутри все сжалось, сердце подскочило и упало вниз. Она растеряно оглянулась, будто ища у кого-то поддержки, несколько секунд глядела на оторопевших мужчин, потом вскинула руку с хлыстом, стегнула лошадь, которая чуть не встала на дыбы, и пустилась вон. Перепуганный конь скакал вперед, унося ее все дальше от ее позора… Арман смотрел ей вслед, склонившись до луки седла, будто на плечи ему обрушилась непомерная тяжесть.

… Графиня приехала домой поздно вечером. Знала, что граф еще не возвращался. В чем была, бросилась на кровать, и лежала, не двигаясь, зарывшись лицом в подушку. Ее служанки

не могли понять, что происходит с госпожой. Пытались успокаивать ее, но она только ругалась и гнала их прочь.

Когда ее потрясение улеглось, Анна старательно обдумала случившееся. Конечно, это страшный позор. Что ей теперь делать? Граф наверняка подумал, что поцелуем дело не ограничивалось.

Она давно перестала чувствовать его любовь, такую, какой та была вначале. Но, конечно, это не оправдывало ее безрассудную связь с англичанином.

Была уже почти ночь, когда служанка сообщила, что приехал близкий друг графа де Куси, крестный Армэля, аббат Анри Дюамель-Дюбуа. Анна второпях привела в порядок волосы и спустилась в гостиную. Она была так бледна, что аббат даже сперва подумал, что графиня не здорова.

— Здравствуйте, сударыня. Я по делам в Испании. Вот заехал повидать друзей и крестника. А встретили как-то негостеприимно. Где граф?

— Я не знаю…

Мадам де Куси колебалась некоторое время, потом произнесла.

— Кое-что случилось. Пойдемте наверх. Если он приедет, я не хочу, чтобы он меня видел.

Озадаченный аббат последовал за графиней в ее покои.

— Так что же такого произошло? Что у вас за жуткие тайны? — спросил он.

Анна вздохнула.

— Зря смеетесь. Жути действительно хватает.

Она горько усмехнулась. Молодая женщина понимала, что граф не простит ей измену, как бы ни любил ее. В том, что касалось супружеской верности, он был непоколебим. Брак с ним давал ей гарантию обеспеченности. Но если он решит оставить ее… Этого она сейчас боялась даже больше, чем смерти. Ибо незащищенность делала ее никем. Иностранка в чужой стране, где на падшую женщину смотрят с презрением…

Сев за стол, Анна принялась взволнованно теребить пальцами сережку в виде цветка. Разметавшиеся светлые локоны пышной массой ниспадали на ее плечи, укрытые шалью из розового шелка.

В это момент на улице послышался стук копыт. Графиня встрепенулась и подбежала к окну. По дороге к дому скакал всадник. Она узнала фигуру мужа. Повернулась к Анри. Он увидел, как в страхе расширились ее глаза, как вздымалась грудь от участившегося дыхания.

Через несколько минут шаги графа уже слышались на лестнице. Он быстро шел прямиком к двери ее комнаты. Анне хотелось стать невидимой, или провалиться сквозь землю. Он сейчас убьет ее… Иначе и быть не может.

— Помогите мне… — едва слышно проговорила она, умоляюще глядя на аббата.

Анри был осторожным и дипломатичным человеком, и сейчас его не радовало то, что оказался в такой ситуации. Но он слишком хорошо знал своего друга и понимал, чем это все может закончиться.

Дюамель-Дюбуа поднялся и вышел навстречу графу.

— Что вы здесь делаете? — услышала Анна низкий голос мужа, в котором сквозило невольное удивление.

— Я приехал в Мадрид сегодня, чтобы навестить вас, мой друг. Пойдемте чего-нибудь выпьем. Мне вам столько интересного надо порассказать, — миролюбиво говорил Анри.

— Простите, но вы не вовремя, — решительно сказал де Куси и шагнул мимо него к двери спальни жены. Тот едва успел протянуть руку, чтобы задержать его.

— А, — произнес вдруг граф, недобро глядя на аббата. — Эта презренная шлюха вам уже наплела чего-нибудь? Трусливая тварь решила спрятаться за вашу спину?

Арман был пьян. Причем довольно сильно. Аббат только сейчас это понял.

— Отойдите. И вообще я думаю вам лучше уехать.

— Нет, дорогой друг, не совершайте ошибок, о которых потом будете жалеть. Не берите грех на душу.

Граф вдруг засмеялся зло.

— Вы решили, что я пришел ее убивать? Ну, вы меня повеселили! Я просто выброшу ее вон. Пусть убирается куда хочет. А тебе, потаскуха, не мешало бы выйти самой, а не таиться там, — бросил он в сторону двери.

— Арман, я надеюсь, вы еще не успели наделать глупостей?

— Спрашиваете, не убил ли я этого англичанина? Лишать жизни человека только потому, что он не устоял перед ней?…

Потом он снова вспомнил о жене.

— Открывайте дверь, я жду, или я вынесу ее к чертям.

Граф дернул ручку, и дверь неожиданно поддалась. От удивления он даже отпрянул. Был уверен, что жена заперлась. Но Анна сидела на кровати, прямая и напряженная, кусая губы, и от волнения не чувствуя боли.

При виде супруги на лице де Куси появилась кривоватая усмешка, отчего в уголках губ залегла горькая складка. А глаза чужие — светлые, ледяные, холодные. Арман властно и решительно взял жену за плечо и заставил встать. Та резко отшатнулась, хотела кинуться прочь, но граф подхватил ее на руки и собрался нести. Женщина молча вырывалась. Поняла, что муж и правда сейчас просто выбросит ее на улицу…

— Отпустите меня! — почти взмолилась.

Сердце ее так бешено колотилось, что казалось и ему слышен этот оглушительный стук. Граф распахнул дверь, выволок ее в полутемный коридор. Анна поймала сочувствующий взгляд аббата, который тут же отвел глаза.

Брыкаясь, она довольно ощутимо лягнула графа. Он отпустил ее, собираясь перехватить поудобнее. Графиня бессильно прислонилась к стене. Правда, тут же резко выпрямилась, отступила, выставляя перед собой руку.

— Не приближайтесь ко мне! Молю, не подходите.

С таким же успехом она могла бы просить о чем-то стены или лестницу. Он наступал на нее, и какое-то страшное выражение было в это время на его лице, какая-то не здоровая страсть сквозила в каждом движении.

— Не надо, пожалуйста! — почти шептала Анна.

Наверное, в ее очах отразился такой сильный страх, что это заставило графа остановиться. И вдруг случилось неожиданное. Откуда-то появилась растрепанная и помятая ото сна Луиза. Она ковыляла к своему господину, что-то возмущенно бубня.

— Чего расшумелись, ваше сиятельство? Мальчиков разбудите, они только недавно заснули.

— Иди спать, Луиза, — рыкнул Арман.

Та уже поняла, что случилось нечто серьезное. И вдруг выпалила:

— И графиню вон напугали, еще ребенка скинет. Уже два месяца как дитя носит.

Графиня де Куси искренне растрогалась. Надо же, ее ворчунья Луиза — и такая преданность. Сама-то не успела графу сказать, не уверена была. А как в этом месяце регулы опять не пришли, убедилась, что беременна.

Какое-то время граф молча осмысливал услышанное. Но потом вдруг со злостью произнес:

— Еще и брюхатая? Интересно, от кого?

Луиза выпучила глаза.

— Так ваше дитя же.

— Ну да. Ну да, — проговорил он.

Холодный тон, холодный взгляд. Сейчас он мало походил на того сдержанного и приятного в общении дворянина, каким был обычно на людях. Некоторое время они с супругой молча смотрели друг на друга. Потом граф прошел мимо, почти отшвырнув ее от себя.

— Пойдемте вниз, аббат.

Дюамель-Дюбуа молча пошел вслед за де Куси.

Граф с другом долго сидели в гостиной, проговорили всю ночь. Но о том, что случилось, не упоминали ни словом.

Мадам де Куси переехала в предместье Мадрида, где арендовала особняк. Супруг все же не лишил ее денежного содержания, и оплачивал ее счета. Но больше никак не участвовал в жизни жены. Когда Анна произвела на свет дочь, граф даже не пришел посмотреть на ребенка. Как ни старалась старая Луиза убедить господина, что девочка — его дитя и пора бы им с супругой примириться, ибо это отчуждение никому не приносит добра, граф был непоколебим. Малышке исполнилось две недели отроду, когда служанка решила отвезти ее к графу, показать ему дочь. Анна не противилась этому. Не хотела спорить с Луизой, которая хоть и недолюбливала госпожу еще с тех пор, как Арман пошел против воли семьи, женившись, но все равно с ней переехала. Причем сама вызвалась.

Служанка потом рассказывала, что граф целый пир закатил по случаю рождения дочери. Имя ей дал Александрин Соланж. Напился и все хвастался, какое чудо породил, и какой красавицей девочка вырастет. Видно, глубоко поразило Армана де Куси, что у него дочь родилась. Никогда не представлял, что девочка — это так прекрасно. Был уверен, что только сын — настоящая гордость мужчины.

После этого граф стал часто присылать слугу с распоряжением привезти ребенка. А когда Луиза умерла, отец забрал дочь к себе, не обращая внимания на протесты супруги. Просто приехал в ее особняк в Мадриде, приказал слугам собрать вещи ребенка и увез ее… Но надо отдать ему должное — общению жены с девочкой не препятствовал. Анна нередко даже оставалась в доме на несколько дней, особенно если знала, что муж уехал куда-нибудь по делам. А так как это происходило довольно часто, сыновья не замечали что в отношениях графа и графини что-то не так. Да и дела им особого не было до этого. Тем более что оба мальчика были загружены учебой и могли весь день не видеть никого из родителей.

* * *

1644 г., 15 лет после отъезда графа и графини де Куси из Франции, и четыре года до Фронды.

Ангеранн-Ренард был тяжело ранен на дуэли. Сцепился с Кристиано Грассо — самым задиристым хамом во всей Испании. Тот спровоцировал юношу, случайно облив его плащ вином и отказавшись извиниться.

— Просить прощения у француза? — хмыкнул Грассо.

В толпе послышался глухой ропот.

— В таком случае француз заставит вас извиниться.

Виконт де Куси обнажил шпагу, обходя пружинистым шагом стол и неотрывно глядя в глаза врагу. Очи его стали красными от гнева. И он первый наскочил. Люди попятились, освобождая место для поединка. Шпаги со звоном схлестнулись, искры высекались при каждом ударе. Куси наскакивал и отступал умело, сдерживая силы, сохраняя дыхание. Но глаза его горели.

Но тут его враг нанес ряд столь стремительных и разящих ударов, что юноше пришлось отступать, а от резкого взмаха он едва успел отвернуться, когда концом клинка тот оцарапал ему щеку. Из разреза под глазом потекла кровь.

Ангеранн с разворота нанес испанцу сильный удар, бедро молодого человека окрасилось кровью. Кто-то одобрительно крикнул.

— Эй, парень, — бросил из толпы какой-то мужчина, по виду иностранец, довольно необычно одетый, говоривший с сильным акцентом. — Если ты эту падаль не убьешь, то я помогу.

Виконт отвлекся на эти слова, пытаясь рассмотреть, кто же этот негаданный союзник, и через секунду ощутил боль от внезапной раны в груди. Юноша оступился и стал падать. Рухнул на спину. И уже лежа на полу со всей силы вонзил клинок в живот противнику.

Тем временем графиня в богато отделанном алом плаще нервно ходила из стороны в сторону по кабинету мужа.

— Делайте что хотите, — говорил ей граф. — Оставайтесь тут, развлекайтесь дальше. Я все решил. Мы с детьми возвращаемся во Францию.

— Я не останусь тут без детей! Мы не можем уехать! Вы хотите потерять все, что у вас есть?

Она хотела сказать что-то еще, когда в комнату вбежал слуга.

— Ваше сиятельство, господина виконта убили!

Анне показалось, что земля уходит у нее из—под ног. Граф только успел увидеть, как она остолбенела, пронзительно вскрикнув, поднесла руку к горлу, вцепилась в ленты плаща, словно ей не хватало воздуха, и вдруг рухнула на пол без сознания. Позвав служанку, чтобы привела графиню в чувства, граф поспешил вниз.

… Юношу внес в дом какой-то незнакомец. Мужчина был диковинно одет, а пышная борода придавала его довольно молодому лицу возраст. Куси пощупал пульс сына и поднял глаза на слугу.

— Он живой! Врача сюда. Быстро!

Когда медик осмотрел раненого, обработал раны и проинструктировал слуг, как дальше за ним ухаживать, граф, наконец, подумал о жене. Направившись в кабинет, где ее оставил, он практически налетел на Анну, которая шла медленно, словно во сне, держась за перила лестницы. Увидела графа, спросила безжизненным голосом:

— Где он?

— Он жив, — быстро сказал Арман. — Но серьезно ранен.

Граф волновался, что супруга сейчас снова потеряет сознание — так изменилось ее лицо. Но она осталась стоять — растерянная и напуганная.

Через минуту женщина бросилась к сыну. Бледный, со стекающими по лицу струйками пота, Ангеранн лежал на диване. Его грудь была перебинтована, на лице виднелась глубокая царапина. Мать упала перед ним на колени, не обращая никакого внимания на стоявшего тут же врача и сидевшего поодаль в кресле незнакомца. Она плакала, гладя молодого человека по голове.

— Сеньора, прошу, не тревожьте его, ему нельзя двигаться, иначе откроется сильное кровотечение, — предупредил врач.

Негаданный спаситель Ангеранна с восхищением смотрел на сидевшую на полу женщину в роскошном алом плаще, полы которого красивыми складками лежали вокруг нее. Взволнованное бледное лицо, обрамленное очень светлыми волосами, было невероятно прекрасным. Вот она, значит, какая — мать несчастного юноши и жена этого солидного сеньора с пронзительными серыми глазами….

Графине был уже сорок один год. В ее возрасте испанские сеньоры, ведущие замкнутый образ жизни и посвятившие себя череде деторождений, обычно уже были полными и обрюзгшими. Анна же, миниатюрная и хрупкая, выглядела бы гораздо младше своего возраста, если бы его не выдавала явная зрелость во взгляде. Ее прекрасные выразительные глаза словно таили в себе опыт всего пережитого, но, в то же время, придавали ей своеобразное очарование.

Граф пригласил незнакомца в кабинет. Там уже стояла бутылка вина и бокалы.

— Как я могу вас отблагодарить? — спросил де Куси.

— Не стоит благодарности, сеньор, я сделал то, что сделал бы на моем месте любой нормальный человек.

После этого случая Арман окончательно решил, что пора уезжать. Тем более что он еще несколько лет назад оставил дипломатическую службу и в Испании его больше ничего не держало.

Незнакомец рассказал, что он русский дворянин, офицер, сбежавший из страны по причине того, что вызвал немилость одного из приближенных государя. Теперь вот путешествует по свету. В Мадрид он приехал только сегодня и еще не решил чем тут заняться.

— Так что мне действительно ничего не нужно, граф, — сказал солдат. — Думаю потом во Францию отправиться, может, поступлю на службу в королевские войска.

— Я скоро еду во Францию, — произнес граф. — Если вы действительно надумаете поступать там на службу, я вам гарантирую место в гвардии.

— Да вы что! — обрадовался тот. — Вот это везение!

Осознав, что сын жив и ему ничего не угрожает, Анна успокоилась и решила забрать его к себе, но врач пояснил — перевозить юношу категорически нельзя. Тогда графиня принялась отдавать распоряжения относительно того, какие ее вещи следует перевезти в дом мужа. Она решила остаться здесь, пока Ангеранн не выздоровеет. Граф не вмешивался. Хочет остаться — пусть остается.

Вспомнил, как счастлив был с ней в первое время после приезда сюда. Как возвращаясь под утро после переговоров и приемов в королевском дворце, шел прямиком в спальню жены, целовал ее сонную, а она выгибалась, поворачиваясь к нему так, что его губы находили ее уста, лицо. Он брал ее, когда пожелает, но она всегда страстно отвечала, требовала ласк и была столь восхитительна, что он уже и не чувствовал себя господином, а скорее наоборот. Она была и поддержкой его и… наслаждением. Таким наслаждением, что не передать словами.

На следующий день у парадного входа мадридского особняка де Куси остановилась наемная карета без гербов, но запряженная шестеркой гнедых, что ясно демонстрировало высокий статус пассажиров. Аббат Дюамель-Дюбуа вышел и подал руку даме в темно-зеленом платье и шляпке. В спутнице друга Арман, стоявший на широких каменных ступенях, с удивлением узнал придворную даму королевы Франции Анны Австрийской герцогиню де Кардона. Он, конечно же, был в курсе того, что наперсница королевы, наполовину испанка, принадлежавшая к одному из знатнейших родов Каталонии, Бланка де Кардона когда-то являлась любовницей его друга. Но был уверен, что эта связь уже разорвана.

— Рад вас видеть, мой друг, — сказал он Анри. — И вас, сударыня.

Бланка улыбнулась. Она держалась с небрежной уверенностью красавицы, которая знает, как прекрасна. Ей было тридцать четыре года, и выглядела она великолепно. Тонкая талия, достаточно пышная грудь, густые темные волосы. И все это подчеркнуто роскошными туалетами. Граф де Куси поймал взгляд красивых миндалевидных глаз женщины, и ее лицо тут же вспыхнуло. Но Арман уже отвернулся к другу, приглашая гостей в дом.

Слуги суетились, готовя ужин к приезду друзей хозяина. После традиционного обмена любезностями герцогиня отправилась отдохнуть с дороги, и аббат с графом остались одни.

— Я думал, вы давно расстались с герцогиней, — сказал де Куси.

Служитель церкви слегка покраснел.

— В какой-то мере это так и есть. Мы скорее друзья. Расскажите-ка лучше, что тут у вас происходит? Вы писали, что планируете вернуться во Францию.

— Да, сейчас заканчиваю все дела здесь.

Анри собирался что-то добавить, но вдруг застыл на полуслове, неотрывно глядя за спину друга. Тот оглянулся. Анна, спускавшаяся по лестнице, остановилась на ступеньках и смотрела на аббата. На ней было простое домашнее бордовое платье, струящееся мягкими складками.

— Здравствуйте, сударыня, — поприветствовал ее Дюамель-Дюбуа.

Она поздоровалась в ответ. Было заметно, что Анри очень удивлен ее присутствию здесь. Графиня же была не в настроении любезничать, поэтому поспешила уйти, как только позволили приличия. Нужно было отдать распоряжения относительно того, что приготовить на ужин Ангеранну. Ему уже стало гораздо лучше, но юноша все еще был слаб и не вставал с постели.

— Теперь, граф, настала моя очередь удивляться, — сказал аббат, когда графиня де Куси покинула гостиную.

Анри вопросительно уставился на друга.

— Это долгая история, — отмахнулся тот. — Мой старший сын ранен на дуэли. Поэтому графиня и приехала сюда.

— Аааа, — многозначительно протянул аббат.

… Мадам де Куси вышла на балкон комнаты Ангеранна. Ему только что сделали перевязку и теперь юноша заснул. Было очень тихо, лишь в саду щебетали птицы… Но тут тонкий слух графини уловил голоса. Видимо, в расположенном этажом ниже кабинете графа открыто окно.

— Уже год, как этот итальянец по протекции королевы занял должность первого министра Франции, и знаете что, мой друг, я все больше утверждаюсь во мнении, что Мазарини — неудачник и бледная тень Ришелье, — сказал Дюамель-Дюбуа.

Граф понимал, что аббат прав. Новый первый министр был крайне не популярен у народа Франции. По стране не прекращают вспыхивать бунты, а религиозная война, затронувшая практически все страны Европы, включая Германию, Испанию и Францию, все не прекращалась и требовала вложения огромных средств.

— Я приехал, чтобы просить вас поддержать герцога Бофора и Ларошфуко, — вдруг сказал аббат.

— То есть вы предлагаете мне вместе с вами пойти против королевы и Мазарини?

— Да. Граф, через несколько лет все это недовольство выльется в серьезное противостояние, может быть даже в гражданскую войну. И остаться в стороне таким людям, как мы с вами, не получится. Если вы действительно намерены вернуться во Францию, вам необходимо сейчас решать, на чьей вы стороне.

— Ну, Анри, я с вами.

— Я в вас не сомневался.

Граф улыбнулся.

«Еще подпишите ваше соглашение кровью», — иронически подумала Анна.

— Кстати, а при чем тут герцогиня? — вдруг спросил де Куси. — Я слышал, что она принимала участие в заговоре «Высокомерных» против Мазарини, который возглавлял Шатонеф, но теперь она ведь, наоборот, на стороне кардинала. Или я чего-то не понимаю?

— Да. Все так и есть. На самом деле она не знает об истинной цели моего визита сюда, и не должна знать, — произнес аббат. — И еще, друг мой… Как известно, в Англии набирает обороты гражданская война. Кромвель одержал победу при Марстон-Муре и теперь весь север страны во власти парламента. Власть короля Карла под угрозой. Люди гораздо более могущественные, чем я, оказывают поддержку английскому монарху. Но и мы с вами, граф, кое-

что можем. Мне нужен надежный человек, верный королю и известный нам с вами, которому можно доверять. У вас в Англии есть знакомый, который будет не против нам помочь?

— Разве что кузен моей супруги, барон де Боул, — нахмурившись, произнес Арман.

— Нужно написать ему.

Граф задумался.

— По-моему это слишком рискованно.

— Вот тут мне необходима ваша помощь. Письмо уже написано. Вот оно. Но отослано оно должно быть от имени человека, который точно не вызовет никаких подозрений и даже не находится в данный момент во Франции. То есть от вас.

— От меня? — воскликнул граф де Куси. — И по какому же поводу я могу писать барону?

— Ну, повод придумаем.

Графиня, не пропустившая ни единого слова из этого разговора, в ярости сжала пальцами веер. Когда-то ее семья, по сути, отказалась от нее, лишив наследства. Она поклялась не иметь никаких дел ни с одним из членов своего рода. Анна решила во чтобы то ни стало раздобыть это письмо. Графиня знала, что скоро ее муж с аббатом отправятся отмечать встречу застольем, вот тогда-то она и придет в кабинет.

Ждать действительно пришлось не долго. Да и двери граф обычно не имел обыкновения запирать. Мадам де Куси осмотрела все бумаги на столе мужа, но так и не обнаружила письма, адресованного барону де Боул. Стала выдвигать ящики, перебирать их содержимое, когда услышала шаги в коридоре. Успела скользнуть за тяжелые длинные шторы темно-зеленого бархата. Через щель между ними она увидела, как Арман, пошатываясь, вошел в кабинет и буквально рухнул в кресло. Граф был пьян. Он машинальным движением расстегнул рубашку под горлом, пышные кружева упали на ворот камзола. Герцогиня де Кардона не слышно ступила практически следом за ним.

— Выпьем еще вина? — услышал граф вкрадчивый голос.

Куси взглянул в ее карие глаза. Женщина жадно ловила его взгляд.

— Мне уже хватит. Смотреть на него не могу, — пробурчал вельможа.

— Ну, немного… — герцогиня протянула ему наполненный почти до краев бокал, но граф отставил его на стол. Сама мадам де Кардона пригубила вино из своего фужера.

Яркое платье с золотисто-зеленым узором плотно облегало ее пышную грудь. На шее и на запястьях было множество золотых украшений. «Господи, до чего вульгарно!» — подумала Анна.

— Я хотела с вами поговорить, граф. Я догадываюсь, с какой целью на самом деле к вам приехал господин Дюамель. И вот что скажу вам. Не соглашайтесь! Мазарини заинтересован в вас, он примет вас у себя, когда вы приедете во Францию. Он вас ждет!

Арман ее практически не слушал. После такого количества выпитого совсем не хотелось о чем-то думать, тем более о политике.

— Так вы с аббатом воюете по разные стороны? — усмехнулся он.

Герцогиня поставила бокал на камин, повернулась и взглянула ему в глаза долгим пристальным взглядом. Как же красив! Мраморно-бледная кожа, густые черные волосы…

— Так вышло, — ответила она, грациозно передернув плечами. — И я предлагаю вам воевать на моей стороне.

— Мне это неинтересно, — отозвался он.

Бланка томно провела рукой по волосам, слегка накручивая на палец локон, потом по шее и ложбинке между грудями.

Воцарилось неловкое молчание. Вдруг герцогиня медленно обошла его кресло, приблизившись к графу сзади и положив маленькие изящные ладони ему на плечи. Она погладила

его шею, запустив пальцы под рубашку. Граф, не ожидавший такого поворота событий, был поражен.

— Что вы делаете? — он хотел встать, но она слегка надавила ему на плечи, принуждая оставаться на месте.

Герцогиня обеими руками погладила его грудь, нежно касаясь пальчиками ключиц. Арман заворожено замер и вдруг с ужасом ощутил тяжесть в паху. Наметанный глаз герцогини заметил бугорок на его штанах.

— Прекратите, — голос графа звучал хрипло.

Через мгновение она уже была перед ним. Опустившись на колени, решительно взяла мужчину за плечи и откинула на спинку кресла. Потом быстро расстегнула его кюлоты, освобождая напрягшийся, ноющий орган. Куси почувствовал, что не в состоянии сдержать дрожь. У него не было женщины с того момента, как он узнал об интрижке жены с английским послом…

Арман не двигался, словно зачарованный. Когда она принялась ласкать его губами и языком, граф неожиданно ощутил, как напряглись мышцы, и понял, что не продержится и пары минут. Все его тело содрогнулось от спазмов. С хриплым стоном он почти согнулся вдвое, пытаясь отодвинуть от себя герцогиню. Когда это все-таки удалось, стал поправлять одежду, быстро застегивая кюлоты.

— Ничего страшного, мой дорогой, так бывает, — бархатисто прошептала она.

Графиня, смотревшая на все это через щель между шторами, так закусила губу, что почувствовала во рту вкус крови. Бессильная злоба, обида и ненависть жгли ее медленным огнем. Она никогда прежде не чувствовала такой боли… Все расплывалось в пелене слез.

Лицо графа пылало. Впервые в жизни с ним случился подобный конфуз. Не глядя на Бланку, Арман быстро вышел, а гостья так и осталась стоять на коленях посреди кабинета.

Глава 3. Братья

— Санчо! — позвал граф де Куси, застывший на пороге своего кабинета. — А что тут произошло?

Верный слуга как по команде возник рядом.

— Это графиня… — сказал он.

Арман перевел взгляд на открывшийся ему вид — ящики стола и секретера выдвинуты, содержимое на полу, с полок сброшены все книги. Довольно странно во всем этом хаосе смотрелась аккуратно стоявшая на столе шкатулка с пистолетами, подаренная ему королем Испании. Если учесть, что она хранилась в тайном месте, то ее нахождение на столе действительно вызывало массу вопросов.

— Ты хочешь сказать, что это все сделала графиня? — уточнил граф.

Санчо кивнул.

— Я думаю, госпожа хотела вас убить, ваше сиятельство.

— Ты так думаешь? — повторил граф и нахмурился.

— Она сначала это все разбросала и разбила, — слуга неопределенно махнул рукой, указывая на царивший в кабинете беспорядок. — А потом нашла пистолеты. И я подумал, что она хочет вас убить.

Куси был озадачен.

— Ты уверен, что это сделала графиня? — еще раз уточнил он.

Санчо закивал.

— Да.

— А зачем?

И вдруг Армана словно окатили ледяной водой. Граф молча смотрел на слугу, и в его голове рождалась ужасная догадка… «Она знает…» — стучало в висках.

— Она… что-то узнала, да? — сдавленно спросил он.

— Она видела…

Жестом де Куси прервал слугу.

— А кто-то еще видел?

Тот отрицательно покачал головой.

— Где она сейчас?

— В подвале закрыл.

— В подвале?! Ты с ума сошел?

— Я боялся, что она причинит вам вред.

— Но как ты ее в подвале-то запер? — изумился Арман.

— Просто скрутил руки и оттащил туда.

Вельможа вздохнул и провел ладонью по лбу. Почувствовал, как у него сзади на шее выступил липкий холодный пот.

— Господи, — почти простонал. — А она что?

— Она вырывалась и била меня.

— Ты хоть еду ей относил?

Санчо отрицательно мотнул головой.

Граф попытался сосредоточиться на мыслях о том, как ему выкручиваться из этой ситуации.

— Ладно, тащи фонарь.

До этого преимущество было на его стороне. Он был в выигрышной ситуации. Виноватой была она, а он диктовал условия. Ему в голову не могло прийти, что все вдруг может измениться. Этот глупый момент с герцогиней, которому он сам не придавал особого значения,

его жена воспринимает совершенно иначе. И, на самом деле, все это в сложившихся обстоятельствах, а именно в свете его возвращения во Францию и обещания другу поддержать его интриги против королевы и Мазарини, может всерьез угрожать его положению. Знает ли Анри? Когда граф направлялся в подвал, малоприятные мысли, так внезапно заполнившие его сознание, были сосредоточены вокруг одного единственного вопроса: успела ли она сказать об этом аббату? Потом решил, что нет. И утвердился в этом мнении при виде идущего ему навстречу друга.

— О, граф, знаете, мне пришла в голову идея…

Арману сейчас было совсем не до светских бесед.

— Расскажете мне, когда я вернусь, — бросил он.

Куси спускался вниз, упорно избегая встречаться с аббатом взглядом.

— А вы куда?

Дюамель-Дюбуа последовал за графом, и тому ничего не оставалось, как слушать его.

— Вы идете в подвал? Зачем?

— Нужно.

Анри что-то еще говорил, но потом заметил, что друг этого не замечает, и замолчал. Он тоже спустился вслед за графом. Тут же плелся Санчо. Слуга был готов в любой момент ретироваться, поэтому следил, чтобы путь к выходу был свободен.

… Анна устала кричать и биться в двери, поэтому просто сидела и ожидала чьего-нибудь прихода. Она вся продрогла в этом сыром мраке, ощущала, как здесь воняет сыростью и аммиаком, как шуршат в стенах крысы и где-то булькает вода. Графиня вздрогнула, когда услышала шаги за дверью. Кто-то негромко переговаривался, потом дверь медленно отворилась. Свет фонаря сильно резанул по глазам, поэтому мадам де Куси не сразу различила в отблесках пламени двух стоявших у дверей людей. Граф де Куси и аббат Дюамель-Дюбуа молча смотрели на сидевшую на соломе графиню в помятом атласном платье. Ее элегантность и изящество казались живым укором царившим тут грязи и зловонию. Лицо Анри вытянулось от удивления.

— Выходите, — сказал граф.

— Что б вы сдохли! — процедила графиня. — Ненавижу вас.

Она встала, выпрямилась, и, продолжая говорить такие бранные слова, которые используют только бродяги, солдаты или матросы, направилась к выходу. Увидев Санчо, чуть не завизжала от ярости, как дикая кошка.

— Ублюдок! Как ты посмел прикоснуться ко мне! Я прикажу засечь тебя до смерти!

Граф велел слуге удалиться и тот чуть ли не вприпрыжку умчался, слушая летящие ему вслед проклятья.

— А вы, — Анна повернулась к Дюамелю-Дюбуа. — Трус!

Анри перевел взгляд на графа. Лицо того было непроницаемым.

— Как вы теперь жить с этим будете? — вдруг с едким сарказмом спросила у аббата графиня. — Знаете, что ваша герцогиня отсо…

В этот момент Арман вдруг грубо зажал ей рот рукой. Супруга вцепилась зубами в его запястье. Куси не сказал ни слова, лишь поморщился. Он потащил ее за руку к лестнице, шокированный аббат шел следом.

— Еще одно слово и я заткну ваш грязный рот кляпом, — угрожающе процедил граф прямо ей в ухо, рывком притянув к себе.

— Очень не нравится слышать правду, да, ваше сиятельство? — вскинула на него свои сверкающие голубым сапфировым блеском прозрачные очи. В них читался вызов.

В дверь апартаментов графини тихо постучали, затем она открылась, и в проеме появился юный виконт Армэль де Куси де Монмирай.

— Мама!

— Что?

При виде герцогини де Кардона он удивленно остановился. Та стояла у будуарного столика, украшенного инкрустацией из драгоценных камней и серебра. На женщине были надеты лишь ночная рубашка и пеньюар.

— А где матушка? И что вы тут делаете?

Герцогиня вздрогнула. Не ожидала его увидеть.

— Я не знаю, — сказала Бланка растеряно. — Хотела пожелать ей доброго утра, а ее тут нет.

Юноша с подозрением на нее посмотрел. Вошел в комнату. Он был в черных кюлотах и высоких сапогах с широкими отворотами из прекрасно выделанной кожи. Белая рубашка с пышными рукавами, манжеты и воротник которой были отделаны испанским кружевом, красиво сужалась на его тонкой талии. Темные волосы были откинуты назад, густыми волнами ложась на плечи.

Герцогиня, одетая в тончайший батист и кружево, была просто великолепна. Ее темные, почти черные глаза казались еще огромнее на бледном, лишенном сейчас всякой краски, лице. Виконт невольно залюбовался.

Конечно, Бланка заметила, какое впечатление произвела на юношу. Хотя Армэль оставался на удивление спокойным. Как же он похож на своего отца! Герцогиня медленно приблизилась к нему, погладила по еще совсем гладкой, без следа щетины, мальчишеской щеке, пощекотала ямку у основания шеи. Он не шевелился, словно загипнотизированный. Виконт не отличался высоким ростом, но все равно женщина оказалась ниже него примерно на полголовы и смотрела в синие очи юноши чуть снизу.

— Ты такой милый, Армэль. Мы могли бы попробовать подружиться, — прошептала герцогиня.

Мадам де Кардона вспомнила о графе де Куси. О, она сделает все, чтобы закончить начатое! А пока… От юноши пахло мужским парфюмом и горьким шоколадом. Буквально перед этим Армэль дегустировал только что доставленное по заказу графини де Куси лакомство. Хоть Испания и славилась своим шоколадом, держа в секрете рецепт его приготовления, позволить себе эту дорогую сладость могли не многие. Такой чудесный аромат… Армэль не мог поднять на нее глаза, ощущая тепло ее рук, ее дыхание у самого лица и ее запах, похожий на… мяты, что ли? Пальцы герцогини снова скользнули по его щеке.

— Перестаньте, — он вдруг отшатнулся.

Его голос даже задрожал. Виконту с трудом удалось подавить противное чувство страха и одновременно приятную теплоту, поднимавшуюся в животе.

«Как же одинаково самоуверенные красивые юноши и их отцы превращаются в напуганных маленьких мальчиков», — подумала герцогиня.

— Что здесь происходит? — в дверях стоял аббат.

Проходя мимо, он услышал в комнате графини голос бывшей любовницы.

— Крестный! — виконт взволнованно бросился к нему. — Вы не видели матушку?

— Видел. Они с графом разговаривают внизу.

Говоря это, Анри не сводил испепеляющего взгляда с женщины. Мальчик побежал к лестнице.

Бланка осталась стоять и смотрела на Дюамеля-Дюбуа с видом печального дитя.

— Я стучала, но никто не ответил, — пояснила мадам де Кардона.

— Ну так не входили бы! — бросил аббат.

Молодая женщина молчала и он продолжил.

— Я не спрашиваю, что вы тут делаете, потому что не хочу знать еще больше грязных подробностей о вас. Мне хватило. Мы переезжаем отсюда сейчас же.

— Почему? — возмутилась герцогиня. — Я просто хотела поздороваться с мадам де Куси, зашла, а ее тут нет. А потом пришел Армэль.

— Да что вы, Бланка Беатрисса де Кардона де Марилон, — со злой иронией проговорил мужчина, четко произнося каждое слово. — Думаю, вы хотели рассказать графине де Куси то, о чем она и так знает.

— Вот как? — не скрывая своего изумления, воскликнула герцогиня.

— И надеюсь, после этого разговора они оба останутся живы, — мрачно добавил Дюамель-Дюбуа.

Когда супруги остались наедине, Анна молча села на диван и со злостью уставилась на мужа. Лицо графа было, наоборот, каким-то отстраненным и спокойным.

— Я устал терпеть это все… — сказал он.

— Ну я же терплю, — ледяным тоном произнесла мадам де Куси.

И вдруг добавила:

— Она так вас хотела. Бедняжка… И что? Она не то что не испытала удовольствия, вы ей даже шанса на это не дали. Не представляю, каково ей…

— То, что вы говорите, отвратительно.

— Ничего страшного, мой дорогой. Так бывает, — с насмешкой произнесла графиня, передразнивая герцогиню де Кардона.

И захохотала. Такая нарядная, такая красивая, такая циничная… Она смеялась каким-то странным, истеричным смехом. Граф вдруг замахнулся и ударил жену по лицу. Он не успел опомниться, как на его руке всем телом повис Армэль.

— Нет, отец, не надо!

Мальчик с плачем бросился от отца к матери.

— Матушка! — он всхлипывал, испугавшись за мать и забыв, что юному дворянину не пристало вести себя как испуганному ребенку.

Анна поднесла платок к лицу. Другой рукой откинула со лба сына прядь волос — такую же темную, как у графа. Твердо взглянула в светлые глаза виконта. Мальчик выпрямился.

— Тебе следует пойти к твоему брату и узнать, как он себя чувствует, Армэль.

Юноша догадался, что она хочет просто услать его, и попытался возразить. Но тут граф положил руку на его плечо.

— Армэль, идите.

Его рука дрогнула на крепком плече сына. Какой взрослый. А ведь еще так недавно был совсем маленьким… Склонив голову, виконт медленно повернулся, его рот чуть скривился, отчего юноша стал еще больше похож на отца.

— Никогда не поднимайте руку на мою мать. Никогда! Вы же никому не позволили бы так поступать со своей матушкой? Почему вы считаете допустимым бить мою? — сказал он и вышел.

В комнате повисла звенящая тишина. Было слышно, как шелестит за окном листва под налетающими порывами ветра.

— А как все красиво начиналось у нее, — сказала вдруг графиня, словно опомнившись от какого-то оцепенения. — Дочь знаменитой семьи с великолепной родословной, красавица. Вышла замуж за коннетабля Кастилии герцога де Кардона. Кажется, чего еще надо?.. И такие повороты в судьбе, такие фортели выкидывает… Все эти политические интриги, заговоры, бесчисленные любовные связи… Как девочка из благородной семьи могла вырасти в прожженную бедовую даму и зачем ей нужно было превращать свою жизнь в дешевый трагифарс? Мне жаль Бланку.

После этого она закрыла лицо руками и тихо зарыдала.

— Меня умиляет ваше лицедейство, — процедил граф.

Но бесстрастно и неподвижно стоя посреди комнаты, он не мог оторвать от жены глаз.

* * *

Армэль лежал на кровати и рыдал от потрясения, от страха. Он оплакивал свое ушедшее детство. Ему казалось, что на него вдруг рухнуло небо. Вся его благополучная беззаботная жизнь вдруг показалась одним большим разочарованием. На душе было горестно. Но никому до этого не было дела…

Уже вечером, успокоившись и придя в себя, мальчик тихо вошел в комнату к Ангеранну и увидел, что тот не спит. Он читал. Армэль улегся рядом и заглянул в книгу. Сделав вывод, что там ничего интересного для него нет, он вздохнул.

— Что тебе? — спросил старший брат, продолжая читать.

— Пришел навестить тебя, что же еще?

Ангеранн заметил, что тот чем-то взволнован. Армэлю сколько всего хотелось ему рассказать… Но не все можно говорить. Виконт, часто бывавший при дворе, давно это понял. А так и подмывало…

— Ты из-за возлюбленной дрался? — спросил он.

— Нет.

— Представляешь, мой наставник недавно принес мне рисунки фривольного содержания. Рассказывал, что да как между мужчиной и женщиной происходит. Словно я сам не знаю. Не маленький, уже пятнадцать почти. Я целовался много раз.

— Достанется же твоему воспитателю, если кто узнает…

Ангеранн усмехнулся, взглянув на брата. Мальчик некоторое время молчал, собираясь с мыслями. Потом произнес:

— А с тобой такое было, что тебе… оказывали знаки внимания взрослые женщины?

— Что, началось? — засмеялся он.

— Ничего смешного не вижу, — пробурчал Армэль.

Старший брат уже без улыбки снова уставился в книгу. Но виконт дернул его за рукав, отрывая от чтения.

— Ты очень смелый. Я тебя теперь во всем буду слушать. Потому что ты честный. А я вижу, как вокруг все врут, притворяются, интригуют. Раньше отцу только верил, а теперь…

— Что теперь?

— Он матушку ударил. Он жестокий…

Ангеранн покачал головой.

— Ты пока еще столько всего не понимаешь… Не суди.

Слушая брата, Армэль вдруг вспомнил самые ранние, совсем смутные воспоминания из детства. Они с матерью прогуливаются по старому парку. На графине надето красивое голубое платье, а волосы ее распущены и их легонько треплет ветерок. Матушка держит его за руку. И вдруг мальчик видит отца верхом на коне. Тот спешивается, сын бежит к нему, граф поднимает ребенка на руки, подбрасывает повыше, так, что он захлебывается от смеха. А потом сажает в седло. Они медленно идут, о чем-то разговаривая с мамой, и все это время граф придерживает его в седле, хоть мальчик и старается всеми силами держаться за луку сам…

Все время, сколько Армэль себя помнил, они жили в большом доме в Испании. У них в гостях часто бывали именитые испанские дворяне, и самих их с братом не раз возили ко двору испанского монарха Филиппа IV, между детьми которого и ними в воспитании и отношении не делали различий. Все их детство прошло в шумных балах и ежедневных уроках.

— А помнишь, как наша Александрин родилась? — вдруг спросил Армэль. — Мне семь лет было. Отец тогда такой пир закатил. И какое красивое имя ей дал! А мой крестный сказал тогда, что вырастет из нее небывалая красавица. Вот и носятся с ней все, балуют. Она меня так

раздражала, когда младше была. Вечно за мной везде увязывалась. Маленькая, — года три-четыре, — а уже важничала. Сейчас, конечно, легче с ней ладить, но на самом деле она только прикидывается ласковой и приветливой. А сама так и норовит поддеть, все время докладывает родителям, если узнает обо мне что-нибудь тайное.

— Как ты с ее воспитательницей целуешься, например? — уточнил с улыбкой Ангеранн.

— И это тоже.

Братья еще долго говорили, шутили, как дети, и смеялись от всей души.

Глава 4. Примирение супругов

Аббат Дюамель-Дюбуа и герцогиня де Кардона покинули особняк в центре Мадрида в тот же день. Но невозможно было не заметить, как накалена атмосфера, даже несмотря на их отъезд. Что-то неладное произошло во время их присутствия здесь, и понимали это даже слуги. С того самого дня их госпожа вела себя очень странно, то впадая в депрессию, то в мрачном безрассудстве посылая все к чертям. Иногда по ночам она лежала без сна, а по утрам подолгу валялась в постели и вообще не выходила из своей комнаты весь день. Графиня почти ничего не ела, но при этом могла выпить вина. Несомненно, произошло нечто такое, что нарушило ее душевное равновесие.

— Так наша госпожа совсем зачахнет. Того и гляди самоубьется… — говорила кухарка, колдуя над большим сочным куском мяса.

— Такая как она не самоубьется. Ну, разве что из вредности, — отвечал ей кучер.

Граф видел, что творится с женой. Сам он почти не оставался в особняке. Уезжал и играл, проигрывая огромные суммы. А если и был дома, то закрывался в кабинете и пил всю ночь. После одной из таких бессонных ночей, отданных в жертву Бахусу, он услышал крики внизу. Вышел посмотреть и ужаснулся. Его жена избивала служаку плетью для собак. Та рыдала, упав на пол и умоляя о пощаде. Вся спина девушки была в крови, сочившейся сквозь ткань платья.

Граф быстро сбежал по ступенькам и выхватил у графини плеть.

— Хватит, вы ее убьете!

— Тварь, пошла вон, — вскричала мадам де Куси. — И учись подавать шоколад аккуратно!

Видимо девушка опрокинула на платье графиня чашку с шоколадом, когда подавала ей лакомство.

— Как бы я хотела также избить вас и эту похотливую суку! — заявила вдруг Анна, повернувшись к мужу и посмотрев ему прямо в глаза.

Это была не его супруга, а какая-то разъяренная фурия.

… Письмо, адресованное Винтеру, все-таки обнаружилось в кабинете графа. Он оставил его на столе, собираясь в тот же день послать в Англию доверенного человека. Арман сидел в гостиной и разбирал почту, когда графиня тихо вошла, молча показала ему конверт и демонстративно поднесла его к свече. Письмо запылало. Женщина бросила его на поднос и наблюдала, как оно превращается в пепел.

— И чего вы этим добились? — холодно спросил граф.

— Вы можете заниматься политическими интригами сколько угодно. Надеюсь, это однажды приведет к тому, что вы станете на голову короче… Но помогать Карлу да еще и вступать в переписку моим кузеном я вам не дам.

— Что за чушь вы несете… — вздохнул де Куси.

— Я слышала все, что предлагал вам сначала ваш хитрый друг, а потом ваша с ним общая любовница.

— Может, хватит уже, в конце концов? Она мне не любовница!

Графиня смотрела на него холодным и каким-то пустым взглядом.

— Неужели мужчинам нравится делить между собой женщину, как будто лошадь или вещь… — проговорила она, глядя в пустоту.

Граф поднялся, бледный и словно окаменевший, так напряжено было его тело.

— У меня никогда не было отношений с герцогиней де Кардона, — чеканя каждое слово, произнес он.

— Может, вы просто не помните? Вы же столько пьете, — ответила графиня, передернув плечами.

— Как вы вообще смеете мне говорить подобные вещи?

И зачем он пытался ей что-то доказать? Сам не знал. Просто не отдавал себе отчет в том, насколько его поразила эта ее боль, которую Анна и не пыталась скрыть. Не думал, что настолько для нее важен… Особенно теперь.

Граф шагнул к жене и склонился, внимательно глядя ей в глаза. Что он для нее? Возможность быть сиятельной дамой? Заказывать новые платья у самого дорого портного Мадрида, а шоколад — у лучшей в городе кондитерской? Граф всегда был искренне уверен, что именно все это держит ее рядом с ним. Ну еще, безусловно, дети. Никогда в глубине души не верил ни в какую любовь. А она, оказывается, страдала… Или все-таки умело притворялась, лицемерила? Куси стряхнул с себя все эти мысли, и спокойно взял со столика несколько писем.

— Кстати, мы приглашены на бал-маскарад во дворец, — он показал жене красивый, украшенный вензелями конверт.

— Я не поеду.

— Не самое лучшее решение. Надо ехать.

— С таким лицом?

Граф вдруг снова подошел, взял ее за подбородок, приподняв лицо и повернув к свету. Графиня смотрела в сторону, чтобы не встречаться с ним глазами. След от его пощечины еще не прошел. У мадам де Куси была разбита губа, а ближе к подбородку виднелся синеватый след.

— До бала заживет, — бросил Арман равнодушно.

Графиня же вдруг, к своему ужасу, почувствовала, как от его прикосновения ее тело затрепетало, как бывало раньше, в самом начале их отношений. Лицо женщины вспыхнуло. Она опустила голову и быстро покинула гостиную.

На бал-маскарад в королевском дворце, назначенный на день, предшествующий отъезду из Мадрида семьи де Куси, графиня не приехала. Граф, уже больше часа вынужден был отвечать на вопросы любопытствующих, где же его очаровательная супруга. Даже сам король, когда француз засвидетельствовал ему свое почтение, не преминул спросить, почему сеньора де Куси пренебрегла его приглашением. Граф чувствовал себя в глупом положении. И обещал себе, что не оставит этот очередной позорящий его поступок безнаказанным. Дело в том, что накануне вечером графиня укатила в свой арендованный особняк якобы затем, чтобы проконтролировать, как ее вещи пакуют к отъезду. Арман предупредил жену, что на балу она должна присутствовать во что бы то ни стало. Не будь этот ее особняк так далеко от дворца, он бы поехал туда и собственноручно приволок Анну сюда, пусть даже силой.

Гости в удивительных костюмах всех цветов радуги, роскошных и безумно дорогих, украшенных разнообразными бантами, лентами, камнями, расшитых золотом и серебром, сновали мимо него. Но Арману не было ни до кого дела. Хотелось скорее уехать отсюда.

Несмотря на суровость церковных установок в католической Испании, маскарады при дворе всегда отличались особой пышностью. Костюмы и маски скрывали социальные различия и уравнивали всех на время праздника. Вельможа мог появиться в костюме нищего, простая фрейлина — переодеться в королеву. Это был мир, где нет никаких преград и все то, что невозможно в реальной жизни, допустимо в мире масок. Во время карнавала ничего не казалось безрассудным. Благородная дама в маске могла подарить свою ласку простому солдату, и после этого не чувствовать себя опозоренной или униженной. Иначе говоря, под маской можно было стать кем-то другим, примерить на себя любую роль…

— И где графиня? — спросил сеньор в костюме Скарамуша[1].

[1] Капитан — персонаж итальянской комедии дель арте, тип военного авантюриста. Носил несколько карикатурный военный костюм испанского покроя. Человек играющий Капитана, выступал без маски. Для данного персонажа характерно холодное высокомерие, жадность, жестокость, чопорность и бахвальство.

Граф узнал Анри.

— Понятия не имею и надеюсь, она не рискнет сегодня попадаться мне на глаза. Проигнорировать приглашение короля… — Арман сжал кружево на рукаве, едва не порвав его. По правильным чертам его лица пробежала хмурая тень.

Друзья не видели, откуда появилась дама в великолепном голубом бархатном платье, верх которого сделан в стиле французского воинского мундира, в маске, украшенной драгоценными камнями, и в треуголке. На лиф ее платья была прикреплена отделанная камнями и расшитая серебром перевязь, удерживающая декоративную маленькую шпагу. Красавица присела в глубоком реверансе перед королем. Когда она поднялась, Филипп провел кончиками пальцев по контуру перевязи, словно невзначай касаясь полукружий груди незнакомки, мимолетным движением лаская ее кожу.

— В каком вы звании, храбрый солдат? — спросил испанский монарх.

— Какое вы изволите мне пожаловать, ваше величество.

— Вы достойны маршальского жезла! Если бы все солдаты в армиях были так очаровательны, думаю, войн никогда бы не было, — улыбнулся Филипп. — Ну, кроме сражений на ложе любви…

Король хлопнул в ладоши, повернувшись к музыкантам. Объявили танец, в котором должен был принимать участие сам монарх. Филипп лично пригласил дворян, которые вместе с ним и королевой исполнят кадриль. Заиграла музыка. Арман де Куси, тоже вынужденный участвовать в этом танце, без особого энтузиазма подал руку своей даме. Пары во главе с монаршим семейством вышли на кадриль.

Когда в вихре танца незнакомка в голубом платье оказалась рядом с ним и, согласно правилам, сменила его предыдущую партнершу, граф подал ей руку, повел в танце, и вдруг заметил, как лукаво сверкнули ее глаза под маской. Только тут он обратил внимание на то, что у дамы были светлые волосы, убранные в прическу, которую скрывала черная треуголка.

В следующем круге незнакомка в голубом уже должна была танцевать с другим. Но потом она опять вернулась к графу. Не упускавший ее из виду и внимательно наблюдавший за ней Арман уже узнал супругу. Привычным движением он обнял за талию и привлек ее к себе, как того требовал танец. Но это первое прикосновение, первое соединение их тел после долгой разлуки она запомнила на всю жизнь.

Граф хотел что-то сказать, но графиня изящным движением предупредила это, коснувшись пальчиком его губ. Музыка продолжала дарить им волшебство маскарада — самого изысканного, таинственного и… порочного развлечения дворян. Но до сознания графиня сейчас доходило только ощущение его руки на ее талии. Ее пронзило желание настолько сильное и острое, что по телу прошла дрожь. От густого аромата духов у нее кружилась голова. Анна посмотрела на мужа и увидела в его глазах, что он все понял.

Граф мягко сжимал ее тонкие пальчики в своей руке, кружил ее, поднимал над полом, и вот они уже стремительно несутся рядом рука об руку… Все смотрели на них и любовались. Его рука сжимала ее ладонь, она была такая сильная, он сам был так близко.

Когда кадриль завершилась и пары разошлись, граф с насмешливо-вызывающим видом посмотрел прямо в глаза супруги. Она не очень уверенно ответила на этот взгляд. В ее душе бушевали самые противоречивые чувства.

— Как я понял, графиня хоть и с опозданием, но явилась на праздник, — отметил снова возникший рядом Скарамуш. — Да еще и в таком платье… Это что-то значит? Какой-то вызов? Объявление войны?

Граф пожал плечами, неотрывно глядя на то, как его супруга кокетничает с сеньором в маске Ковьелло[2]. А ведь всего лишь несколько мгновений назад он почти не обращал внимания на то, что происходит вокруг…

— Сегодня столько итальянских персонажей, — задумчиво констатировал де Куси.

Сам граф выбрал для себя костюм, напоминающий Капитана[1], только черный. Итальянцы не любили испанцев за военную агрессию в отношении их страны, и потому всячески высмеивали испанских военных. В самой же Испании на это смотрели сквозь пальцы. На карнавалах испанские маски пользовались большим успехом.

За весь вечер граф и графиня станцевали еще несколько танцев, так и не обмолвившись ни словом. Что-то нереальное, чудесное было в этом вечере для них обоих. Графу казалось, что он снова опьянен своей супругой. Вдруг захотелось забыть обо всем, увести ее отсюда, заключить в объятья. Что за наваждение… Когда Анна исчезла из поля его зрения, Арман упорно искал ее взглядом в толпе. Потом спросил у кого-то.

— Дама в голубом платье, похожем на военную форму французских солдат? Я видел, как она садилась в карету.

Граф направился к его величеству, выразил свое почтение и сообщил, что уже уезжает. Приехав сюда абсолютно без настроения, к концу вечера все-таки он был доволен собой. Арман изящно извинился перед всеми за опоздание и скорый отъезд своей супруги, был безупречно вежлив с дамами и в меру грубоват с мужчинами, и улыбался всем и вся.

* * *

На улице послышался стук лошадиных подков. Колеса кареты с грохотом прокатились по каменной мостовой. От герцогини де Кардона не ускользнуло, как граф де Куси бросил короткий взгляд в окно, даже невольно сделав шаг, чтобы лучше видеть все, что происходит снаружи. В свете, льющимся из окон, было видно, как мимо ворот проехал экипаж, запряженный четверкой лошадей. Граф опустил глаза, машинально проводя рукой по скулам и подбородку.

В гостиной дома де Куси было очень уютно. Трепетали свечи в канделябрах, и от этого на картинах и щитах, развешенных на стенах, плясали тени. Вся комната, казалось, насквозь пропиталась запахом духов герцогини. Граф только вернулся с бала. Дернул же черт пригласить Анри… Арман не думал, что тот предложит заехать за герцогиней.

Куси снова посмотрел в окно. Там было тихо и пусто. Даже одиноких прохожих, или пьяниц, бредших домой после попойки, не было видно. Украдкой наблюдавшая за графом мадам Кардона явно была раздражена.

— А я вам говорил, дорогой друг, что пишу поэму?

— Нет, не говорили, — ответил Арман.

— О, это будет шедевр, — вставила Бланка. — Стоит почитать.

— Поэма по мотивам эпоса Гомера. Про Троянскую войну, — принялся рассказывать аббат, совершенно не замечая напряжение, царившего в комнате. А быть может, делая вид, что не замечает.

— Хотите, зачитаю отрывок? — предложил Анри.

Герцогиня приняла скучающий вид, очевидно, чтобы задеть бывшего возлюбленного. Однако аббата это не смутило. Он принялся декламировать стихи. Как только чтение отрывка поэмы было завершено, Бланка звонко захлопала в ладоши.

---

[2] Шпанка или шпанская мушка — один из самых древних и распространенных афродизиаков, широко использовалась для повышения потенции.

[1] Капитан — персонаж итальянской комедии дель арте, тип военного авантюриста. Носил несколько карикатурный военный костюм испанского покроя. Человек играющий Капитана, выступал без маски. Для данного персонажа характерно холодное высокомерие, жадность, жестокость, чопорность и бахвальство.

— Вы великолепно пишите! Не перестаю восхищаться вашим слогом, — она демонстративно потянулась к нему, чтобы поцеловать, но тот вдруг отвернул лицо. Аббат холодно смотрел на любовницу, понимая, для кого она разыгрывает этот спектакль.

Герцогиня де Кардона встала, резко повернулась и скрылась за дверью. Внимательным взглядом заброшенного любовника он заметил, как тщательно Бланка готовилась к этому визиту и какой веселой и оживленной она была, когда они приехали в гости. Он знал, что это было не из-за него. При этом сам граф не оказывал герцогине никаких знаков внимания, а значит вести себя так у нее абсолютно не было повода. Порой Арман даже был не очень-то вежлив, отвлекаясь на какие-то мелочи или вдруг погружаясь в свои мысли. Но аббат видел, как это задевает герцогиню.

После ее ухода воцарилось молчание. Граф поставил свой бокал на стол. Вынужденный играть роль гостеприимного хозяина, он вышел из гостиной в поисках герцогини. Она стояла на балконе, кутаясь в шаль.

— Ну, Менелай, где же ваша Елена? — при виде хозяина дома шепнула герцогиня, посмотрев своими красивыми карими глазами ему в глаза. — Может уже кто-то украл?

Арман выдержал этот взгляд спокойно.

— Вернитесь, — сказал он довольно сухо. — И я думаю, вам не стоит выяснять в моем доме ваши странные отношения.

Она оглянулась к нему, пораженная его грубостью. Стоило остаться с ним наедине, от его учтивости не осталось и следа.

— А ваши отношения не странные? — герцогиня была задета.

— Жизнь вообще полна странностей, — пожал плечами граф.

— Главная странность — это когда мужчина с женщиной в постели подходят друг другу, а в жизни — нет, — произнесла она язвительно. — Вам ведь тоже это знакомо?

— Это всем знакомо. Мы же просто люди… — сказал граф.

— Просто люди… — повторила герцогиня глядя ему в глаза.

Ее взгляд говорил больше, чем она могла сказать словами. Невероятно наэлектризованное пространство между ними, казалось, вот-вот заискрит.

— Вы специально ушли, чтоб я вернул вас? — прямо спросил граф.

— Уверяю вас, нет, — ухмыльнулась она.

— Нечего со мной играть в игрушки, сударыня, — заявил граф.

Он открыл дверь в комнату, пропуская вперед герцогиню. Женщина вдруг остановилась так близко, что он даже невольно отстранился. Хотя она и не смотрела на него, но видела его руку, которая сейчас лежала на ручке двери, ведущей из балкона в дом, и чувствовала аромат его парфюма. Хотелось прикоснуться к нему… Герцогиня подняла глаза и чуть не вскрикнула от злости, заметив, что он совсем не смотрит на нее. Его лицо было повернуто в сторону ворот, за которыми снова послышался звук проезжающей кареты.

Взглянула с горькой обидой и пошла в гостиную.

— Скажите няне Александрин, чтобы привела девочку, — бросил граф де Куси проходившей мимо с охапкой полотенец служанке.

— Хорошо, ваше сиятельство.

«Думаете, при ребенке я не смогу поднимать такие неудобные для вас темы, граф?» — Бланка даже хмыкнула.

— А где Армэль?

— Был в комнате старшего виконта.

— Пусть тоже приходит.

Когда они вернулись в гостиную, Анри никак не показал своего угнетенного настроения.

— Все-таки Елена Троянская — честная женщина, — проговорила, как ни в чем не бывало герцогиня, возвращаясь к теме разговора. — Полюбила другого и сбежала с ним. Никому не морочила голову.

— Да, честная женщина — это поистине диковина в наше время, — кивнул Анри.

Бланка пропустила мимо ушей тонкий сарказм, прозвучавший в его словах. Аббат, конечно, думал, о чем они говорили, когда оказались наедине, но лицо графа было непроницаемым и он, разумеется, ни словом бы об этом не обмолвился, а герцогиня и вовсе теперь вела себя довольно непринужденно.

… Графиня де Куси вошла в дом через заднюю дверь. В гостиной было шумно, звучали голоса, смех, звенели бокалы, звонко хохотала Александрин. Женщина прошла по коридору. Через плохо прикрытую дверь ей было видно дочь, гладившую большого черного пса. Тот довольно сопел, подставляя ей живот. Рядом наряженный щеголем прохаживался Армэль. Кто находился в дальнем конце комнаты, видно не было, а вот мужа, стоявшего с бокалом у камина, графиня рассмотрела прекрасно. Он был в том же черном костюме, что и на балу. Граф молчал, потом что-то кому-то сказал. Его слова заглушал хохот Александрин и вторивший ей Армэль, тоже дразнивший пса, который теперь был настроен очень игриво и легонько кусал детей за руки. Ему ответил женский голос. Тихий, низкий… Герцогиня де Кардона? Значит, они с Анри были тут… Все старательно делали вид, что ничего не произошло. Бланка была в ударе — сыпала шутками, разговаривала так раскованно и мило, словно это она была хозяйкой дома, а не графиня. Да и граф снова стал безупречным вельможей, готовым расточать то колкости, то комплименты.

Все веселились, и никто не замечал ее отсутствия. Словно она была для своей семьи пустым местом. Анна почувствовала себя чужой и лишней здесь. Графиня поднялась в комнату дочери. Тут царил хаос. Видимо девочка не могла определиться какое платье ей надеть — ворох платьиц разных цветов и оттенков был в беспорядке брошен на кровати. Няня тоже так спешила покрасоваться перед гостями, что даже не удосужилась прибраться. На туалетном столике стояли открытые духи. Графиня закрыла флакончик, собрала платья и убрала их в шкаф.

Внизу продолжалось веселье. Армэль схватил пса за передние лапы, чтобы тот стоял только на задних, и принялся наступать на Александрин, говоря, что это чудовище, которое сейчас ее съест. Девочка взвизгнула, отбегая.

— Мама бы тебя сейчас отругала! — заявила она обиженно.

— А Луиза вообще могла бы дать подзатыльник, — добавил он, потом повернулся к гостям и сообщил: — Луиза — наша служанка. Она уже давно умерла. Но я никогда не забуду, как она говорила отцу по поводу всяких пустяков своим скрипучим голосом: «Ваш батюшка, граф, этого бы не одобрил». Теперь так говорю Александре, если она что-то натворит.

Все засмеялись. Юноша бросил собаку и уселся в кресло.

— Когда мы приедем во Францию, я заведу себе двух борзых, с которыми буду охотиться.

— Мы же уже завтра едем, да? — в предвкушении грядущего путешествия Александрин даже подпрыгивала от нетерпения.

— Да, — ответил граф.

— И матушка?

— И матушка.

— Я родился во Франции, — похвастался Армэль. — Но совсем ее не помню.

— Мы тоже утром выезжаем, — отметил Анри. — Поедем следом за вами.

— О, как я ненавижу эти ранние подъемы, — изрекла герцогиня. — Я вообще считаю, что утром должно вставать только солнце. Ну и еще у мужчин…

— Вы думайте, что говорите, — с неожиданной злостью перебил ее аббат.

— А что, девочка все равно еще ничего не понимает.

Александрин действительно ничего не поняла, но на всякий случай решила возмутиться:

— Я все понимаю!

— Ой, простите, мадемуазель, — засмеялась герцогиня.

Дочери графа стало скучно, и она принялась прохаживаться по гостиной, любуясь собой в отражении зеркал.

— Такая хорошенькая… — наблюдая за ней, тихо сказала Бланка. — Граф, у вас получаются на редкость красивые дети…

Анри заметил опасный блеск во взгляде герцогини, направленном на его друга. Но Арману не пришлось ничего отвечать, ибо его сын, готовый бесконечно болтать на любые темы, уже оживился.

— Да она вредная как чертенок! — сказал юноша. — Просто невозможная.

— Это не так! — капризно воскликнула Александрин.

— Да ну? А вот это «я люблю маму, отца и Ангеранна, а Армэля нет» и бесконечное «ах, я красивая» перед зеркалом? — поддел сестру юноша. — «Не развязывай ленты на моей шляпке!», «Тс! Мой щенок спит». Только и слышу от тебя все время — то не делай, это не трогай. Зато все гости думают, что она ангел. Осыпают ее комплиментами: «Какая красавица, вся в маму». Когда-то на своем дне рождения она рассказывала гостям, что родилась из животика мамы, а посадил ее туда Бог.

— Но ведь, правда, Бог! — Бланка не скрывая своего восхищенного взгляда, уставилась на графа.

Армэль тоже заметил это. Пару секунд он смотрел на сию чувственную женщину с большими тревожными глазами и волнующим ртом. Если бы он мог рассказать! Он парой фраз изобличил бы герцогиню, и ее бы просто вышвырнули отсюда. Но он не смел произнести ни слова, ведь тогда бы выставил себя подлецом.

— А вы, молодой человек, никак завидуете? — с улыбкой поддел его крестный.

— Я?! Чему? — горячо воскликнул Армэль.

Бланка перевела взгляд на юношу. Любовалась мальчиком с потаенным удовольствием. Не очень высокий, при этом он был на диво красиво сложен. Но в плечах еще не раздался вширь, что говорило о его юности. А улыбка… Белые зубы, крепкий подбородок, почти девичьи ямочки на щеках. Глаза яркие, брови — темные с гордым разлетом. Привычным жестом время от времени он отбрасывал назад темные пряди.

— А вы, братец, фат.

— Это ее гувернантка научила так меня обзывать, — с хитрым прищуром сообщил юноша.

— Никто меня не учил, — топнула ножкой девочка. — И больше не подходите ко мне со своей собакой! От нее противно пахнет!

— Какая вы брезгливая, — усмехнулась госпожа де Кардона. — Как же вы будете целоваться, когда станете взрослой? Ведь дети получаются от поцелуев.

— Дааа? — изумленно протянула девочка.

Виконт залился смехом, а потом вдруг воскликнул:

— Слушайте забавную историю про мою сестрицу! Я ей сказал, что в розовом кусте в нашем саду живут страшные гномы. И что они могут ее похитить. Она к тем розам вообще не приближалась, а потом об этом забыла. Идет такая важная мимо куста, а я как закричу: «Гномы! Вон они, сзади!» Она визжала, как сумасшедшая, когда неслась в дом! Вы бы видели ее глаза. Наш кучер сказал, что если я буду продолжать в том же духе, юная сеньорита начнет заикаться.

Александрин замерла посреди комнаты, спесиво смотрела на брата, не находя что бы сказать такого же оскорбительного, чтобы посильнее задеть это.

Герцогиня рассмеялась.

— Так весело тут у нас! — воскликнула она.

— Не говорите. Прям ух! — холодно произнес Анри.

А в глазах девочки блеснули слезы, губы задрожали.

— Ой, еще вспомнил. Ей в пять лет подарили пони. И она первым делом полезла посмотреть мальчик он или девочка! В общем пони стукнул ее копытом. Как она орала!

Армэль лишь успел заметить, как его сестра в слезах убегает из гостиной наверх по лестнице.

— Армэль, — сурово произнес граф, осуждающе взглянув на сына.

— Ну что такого опять? — виновато пробурчал виконт. — Ни слова про нее нельзя сказать. А как она обо мне все докладывает, так ничего.

— Да, недолюбливаете вы сестру, молодой человек, — констатировала герцогиня.

Юноша смутился. С его лица моментально сошла улыбка.

— А за что ее любить? — вдруг угрюмо проговорил он.

Все, включая графа, пораженно уставились на мальчика.

— Знали бы вы, что она натворила в прошлом году. Я понимаю, что можно не любить кого-то, но чтоб до такого…

— Армэль, идите, извинитесь перед сестрой, — вдруг сказал граф.

— Почему вы не желаете слышать, что ваша любимица сделала? — юноша даже встал. — Я все равно расскажу. Крестный, помните моего лучшего друга? Он хоть и сын нашего бывшего кучера, но очень хороший, добрый и честный парень. Я никогда не встречал при дворе таких людей. Но не понравился он чем-то нашей Александрин. Однажды прибежала с плачем, нажаловалась отцу, что тот к ней якобы приставал, пытался под юбку залезть. Сама еще толком не понимает, что это такое. Как додумалась? Не знаю. Отец тогда просто взбесился. Я думал, Камило будет убит. Граф собственноручно сек его плетьми. Буквально до полусмерти. Камило долго болел, а потом они с семьей уехали навсегда из Мадрида. Только я уверен, что сестра тогда специально так сказала. Всегда старалась как-то насолить, но чтобы так… Она хоть и дитя совсем, но сердце у нее не доброе.

Армэль после этих слов бросил короткий неприязненный взгляд на графа де Куси и потупился. Когда он стал свидетелем того, как отец ударяет мать, это сильно остудило то восхищение, в какой-то степени даже переходившее в раболепство, которое юноша испытывал к родителю.

Граф внимательно смотрел на сына. Никогда не воспринимал всерьез эту их детскую вражду, но юноша был уже почти взрослым, а вражда эта все не утихала.

Герцогиня задумчиво и печально наблюдала за графом де Куси и его сыном. Как бы она хотела быть причастной к их жизни, к их общим тайнам… Но увы, рядом с ними словно незримо присутствовала тень совсем другой женщины…

До этого вполне доброжелательная непринужденная атмосфера вечера теперь явно была испорчена.

— Когда у вас будет дочь, Армэль, вы поймете своего отца, — вдруг мягко сказала герцогиня де Кардона. — А девочка… Да, вредина. Но она маленький ребенок. Маленький очень красивый и избалованный ребенок. Женщины вообще редко осознают, какую боль причиняют. Что ж вы от такой маленькой женщины хотите? Вам еще повезло, что у вас не три таких, как у моего сына.

— У вас сын и три дочери?! — изумленно воскликнул Армэль.

Герцогиня кивнула.

— О, господи! — поразился юноша, видимо действительно осознав, что бы с ним было, будь у него три младшие сестры. — У меня, по крайней мере, есть брат. Вдвоем мы как-то продержимся до того, как ее выдадут замуж.

Зазвучал дружный смех, который снял напряжение от оплошности сына. Граф почувствовал благодарность к герцогине за то, как непринужденно она разрядила обстановку.

— Моя Анна-Мари как раз подошла бы вам, виконт, в жены, по возрасту, — кокетливо улыбнулась Бланка, многозначительно посмотрев на графа. — Но она решила стать послушницей… Немало юношей впало в отчаянье, узнав что моя дочь выбрала удел непорочной девы.

Армэль пожал плечами.

— Я не собираюсь жениться.

… Убрав наряды дочери, графиня де Куси присела на постель и посмотрела на себя в зеркало. Верх ее платья, выполненный в стиле военного мундира, в сочетании с пышными рукавами, отделанными кружевом, и белой вставкой на лифе, делал платье невероятно изысканным. Черная шляпка прекрасно оттеняла ее светлые волосы, убранные в прическу. В руках Анна держала перчатки, которые потом бросила тут же на покрывало. Она просто обязана была для этого бала украсить себя снаружи, ибо внутреннее ее состояние не поддавалось никаким словам.

Сколько графиня просидела так одна, она не знала. Погруженная в свои мысли, молодая женщина вздрогнула, когда ее дочь вбежала в комнату.

— Матушка! — с придыханием то ли прошептала, то ли воскликнула Александрин. — Мамочка! Вы приехали!

Девочка бросилась к ней, обняла.

— Армэль меня замучил! Он при всех рассказывает про меня всякие глупости! — пожаловалась она.

Забравшись на кровать, девочка не переставала обнимать мать, целуя ее щеки, сминая кружево и юбки.

— Я туда больше не пойду. Побудьте со мной, — вдруг сказала Александрин.

— Хорошо, — улыбнулась графиня.

Она сняла шляпку, и так же как были, в платьях они с дочерью, обнявшись, улеглись на кровать. Графиня ласково погладила малышку по щеке, коснулась красивых пшеничных волос.

— Мой котенок, моя принцесса.

Из гостиной доносились отголоски веселья. Графиня слышала низкий бархатистый голос мужа, болтовню Армэля, смех герцогини и мелодичный говор Анри.

… Проснулась Анна от довольно громкого голоса ее мужа, говорившего кому-то, что сейчас он спустится. Потом дверь отворилась, и граф вошел, видимо решив узнать, куда подевалась его дочь. Девочка крепко спала, положив голову матери на плечо и обняв графиню за талию. Анна прищурилась от света. Граф стоял в дверях. Они смотрели друг на друга некоторое время, потом Арман молча вышел, неслышно прикрыв за собой дверь. Графиня услышала, как он сказал служанке, чтоб зажгла в его спальне свечи, и что он проводит гостей и пойдет спать. Она осторожно, чтобы не разбудить дочь, поднялась. Анна приняла решение.

Она вошла в комнату мужа, зажгла свечи, наполнила вином бокалы. Остановилась перед зеркалом и стала медленно освобождать свои волосы от шпилек, вынимая их одну за другой. Локоны падали на плечи, струились по спине… Потом графиня изогнулась, дотягиваясь до шнуровки корсета и распуская ее.

Снаружи послышался звук шагов, и в дверях тенью обозначилась фигура мужчины. Граф вошел, закрывая за собой дверь. Он увидел жену. На секунду у него перехватило дыхание. Повернув к нему лицо, она смотрела на мужа через плечо, расстегивая платье. Когда оно упало тяжелыми складками к ее ногам, Анна быстро сняла через голову тонкую, почти прозрачную рубашку. Арман шагнул к ней. Она посмотрела в зеркало — полностью обнаженная женщина, укрытая лишь золотыми локонами, в беспорядке упавшими ей на грудь, и темноволосый мужчина в черном костюме. Ее белая кожа отсвечивала на фоне черного атласа его камзола. Когда

супруг положил ладонь ей на плечо, его перстень сверкнул так неестественно ярко… Глаза Армана сейчас были невозможно синими. Они притягивали, манили… Граф осторожно убрал назад ее мягкие медовые волосы. Графиня задышала чаще. Ее соски упруго покачнулись.

— Вы сразу все свои козыри раскрыли? Думаете, напору обнаженной женщины труднее противостоять? — его глаза горели, жгли насквозь, словно он брал ее взглядом.

Бархатный воздух благоухал сиренью. Граф осторожно провел пальцами по цепочке у нее на шее. Золото мягко поблескивало в неярком свете свечей. Графиня вздрогнула от непередаваемого ощущения, пронзившего ее тело.

— Марта! — послышался в коридоре высокий, с носовым призвуком голос одной из служанок. — Проследи, чтобы все свечи на половине его сиятельства горели.

Супруги переглянулись, не решаясь даже шелохнуться: так велико было охватившее их напряжение. Его горячая рука скользнула по ее спине вниз. Муж принялся ласкать ее пальцами, то нежно поглаживая, то проникая внутрь ее лона. Графиня неотрывно смотрела в зеркало, в его глаза. Чуть подалась вперед, схватившись рукой за туалетный столик. Ее взгляд начинал покрываться поволокой возбуждения. Анна почувствовала, что вот-вот наступит экстаз, но вдруг он убрал руку и отошел к столу, на котором стояли бокалы.

— Мерзавец! — с нескрываемой яростью возмутилась графиня.

Граф тихо засмеялся. Она переступила через платье, небрежно отодвигая его ногой в сторону, и скинула туфли. Оставаясь в одних чулках из нежнейшей козьей шерсти, графиня на цыпочках подошла и взяла второй бокал.

— Надеюсь, там не «шпанка»[2]? — спросил Арман, рассматривая вино на свет.

— Нет, там яд, — процедила недовольно женщина.

— Быстро убьет? — вопросительно приподнял одну бровь граф.

— Неделю будете мучиться.

Граф де Куси сделал глоток. Графиня лукаво взглянула на него.

— Вы настолько бесстрашны или так мне доверяете?

— Ммм… Пино нуар, — вместо ответа сказал он, по вкусу определив сорт винограда.

Шампанское только недавно завоевало Францию. Графу его доставляли специально из Шампани, где феномен бутылочного брожения открыл слепой монах Дом Периньон. Во всяком случае, так говорили.

— Почему вы опоздали на бал? — спросил Арман у жены.

— У моей кареты отлетело колесо. Она перевернулась и чуть не угодила в канаву, — графиня подняла руку, и ее супруг увидел, что от запястья до локтя кожа была оцарапана. Из-за тусклого освещения он сначала не обратил на это внимания. — Я упала с сидения на пол кареты. Пришлось нанимать извозчика. Надеюсь, вы не подумали, что я опоздала нарочно?

— Нет, что вы, это же так не похоже на вас, — с усмешкой проговорил Арман.

Она медленно пригубила игристый напиток, глядя ему в глаза и упиваясь тем впечатлением, которое на него производит. И всегда производила. Восемь лет он не прикасался к ней. Как сама она жила без его ласк? Сейчас упрямое нежелание каждого из них сделать первый шаг навстречу другому казалось величайшей глупостью. Они потеряли столько времени! И вот сегодня… Они оба наслаждались этой игрой, оттягивая момент, и дегустируя изысканное вино…

— А зачем сбежали? — спросил граф, медленно расстегивая камзол.

Так небрежно сбросил его, будто ему просто было жарко.

— Я думала, вы не заметили.

---

[2] Шпанка или шпанская мушка — один из самых древних и распространенных афродизиаков, широко использовалась для повышения потенции.

Она протянула руку, чтобы потрогать его волосы, упавшие на белоснежную ткань рубашки, но Арман поймал ее запястье, и медленно коснулся губами пораненной кожи. Потом притянул жену к себе, зарылся лицом в ее пахнущие лавандой волосы, коснулся губами виска, взял ее подбородок в ладонь, стал мягко и нежно лобзать прикрытые в предвкушении любви глаза, густые темные ресницы, скулы, губы… Когда их уста соприкоснулись, графиня с такой страстью ответила на этот поцелуй, что Арман больше не сдерживаясь, принялся целовать ее жадно, почти не позволяя дышать… До боли сжимая ее грудь, граф почти стонал от нетерпения. Наконец он подхватил жену на руки и перенес на кровать. Приподнявшись, она наблюдала, как он в спешке раздевается.

Хорошо зная, какие ласки нравятся Анне, он долго искусно ласкал ее. Она стонала, вскрикивала, извивалась, жадно, даже с каким-то ожесточением прижималась к нему. Глядя на то, как быстро раз за разом в течение совсем короткого времени жена достигает наслаждения, граф с потаенной радостью убеждался — она тоже безумно изголодалась по нему.

Трудно было узнать в этой ведьме с безумным взором и искусанными в поцелуях губами, с разметавшимся, прилипшими к влажному лбу волосами ту благородную светскую даму, что он наблюдал на балу всего несколько часов назад.

Сердце гулко колотилось, как тогда, в их первые ночи любви. Он ликовал! Ведь она снова полностью принадлежала ему.

Как обычно, после безумства страсти обоих окутало спокойное, томное блаженство. Анна молча расположилась у него на груди. А потом вдруг произнесла:

— Ты знаешь, в последнее время я часто думала о том, люблю я тебя или нет. И поняла что люблю. Я не хотела бы жить, если бы тебя не было.

— Однажды придется.

Графиня подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Не говори так!

Муж прижал ее к себе, целуя в висок:

— Родная моя… — выдохнул он.

В этих поцелуях сейчас не было и намека на эротизм. Только нежность, вся невысказанная им любовь к ней. Они молчали какое-то время, потом Анна снова нарушила тишину.

— Пообещай, что никогда меня больше не оставишь. Я теперь всегда буду проводить ночи в своих покоях.

— Даже если я однажды не смогу выполнять супружеский долг?

— Да, тогда я буду просто лежать рядом и обнимать тебя.

«Интересно, веришь ли ты сама в это», — с грустью подумал граф.

Они прошли через это, оба попрали то нерушимое, без чего не может быть настоящего брака. И оба не знали, как теперь будут жить дальше…

Анна проснулась посреди ночи. Муж лежал на животе, обняв подушку и отвернувшись. Графиня приподнялась на локте и долго смотрела на него. «Кто я для тебя, любимый? Жена? Или просто любовница?», — думала она. Потом легонько коснулась его волос, провела ладонью по спине, по линии позвоночника, поцеловала плечо. «Мое счастье. Ты мне больше, чем жена», — в это же время мысленно обращался к ней Арман.

…Утром графиня пробудилась от мягкого настойчивого прикосновения к лону. Приоткрыла глаза и тут же зажмурилась от солнечного света. Выгнулась, отдаваясь ласкам мужа, повернулась и покорно раскрылась перед ним.

Они оба уже давно поняли что пропали. И всегда будут откликаться на призыв безумия, что живет внутри каждого из них. Нужно ли этому противиться?

Выехали в начале девятого утра. Хотя уже и наступила поздняя весна, но ветер был пронизывающий. В большом дворе дома вьючные мулы били копытами в предчувствии долгой

дороги. Ржали лошади. Повсюду в спешке бегали прислужники, кричали, бранились, выносили и грузили вещи. Графиня, кутаясь в плащ, вышла на улицу. Она медленно спускалась по ступеням дома, наблюдая за всей этой суетой. Армэль уже гарцевал на коне рядом с каретами. Увидев мать, он снял шляпу и помахал ей. В окошке одной из карет появилось миленькое личико Александрин. Она не слушала свою наставницу, которая пыталась убедить девочку лечь спать, потому что дорога предстоит долгая, и взволнованно следила за происходящим. Ведь вся ее жизнь менялась навсегда. Маленькая сеньорита едет в страну, в которой никогда не была. Она будет жить в замке!

— Спите, душенька! — говорила гувернантка. — Вы же так рано поднялись сегодня!

Графиня увидела мужа. Он отдавал последние распоряжения слугам. Крепкий, плечистый, статный… И не скажешь что ему уже пятьдесят. Гримо вел коня графа. Все было готово к отправлению. Слуга открыл перед графиней дверцу кареты. Она поймала взгляд супруга. Тот издалека молча отвесил ей церемонный поклон, а потом с легкостью вскочил в седло. Анна улыбнулась. Села в карету, поправила тяжелые парчовые занавески. Она знала, что муж скоро присоединиться к ней. Она ждала этого.

Мягкое покачивание, тихое позвякивание сбруи, перестук копыт, шелест колес… Женщина откинулась вглубь кареты. В проеме между занавесками ей было видно, как мимо проскакал граф на своем вороном коне, а следом Армэль на буланом. Ангеранн пока не мог держаться в седле, хоть и очень настаивал на этом. Но было решено, что он поедет в карете.

— Мы едем домой, — прошептала графиня де Куси.

Глава 5. Несостоявшийся жених

1648 г. Фронда в самом разгаре

В последние годы в стране было неспокойно. Франция погрязла в круговороте революционных событий, постоянных восстаний и заговоров против кардинала Мазарини. Чтобы получить помощь, кардинал обратился к начальнику своей охраны шевалье де Монфору. Он слышал, что этот человек когда-то служил на море, а потом — в гвардии Людовика XIII, где зарекомендовал себя, как блестящий и самоотверженный офицер. Вызвав его к себе, Мазарини приказал Монфору разыскать кого-нибудь из бывших сослуживцев и попытаться привлечь их на свою сторону. Кардинал надеялся таким образом получить поддержку хоть какой-то части дворянства. Шевалье отправился в дорогу. Первым человеком, о котором он вспомнил, был граф де Куси. Знатный вельможа, чей род относился к очень влиятельной французской фамилии Монморанси, мог бы стать для Мазарини серьезным союзником.

Во Франции супруги де Куси решили поселиться не в Шампани, а в другом родовом замке графа, расположенном ближе к Парижу, — на берегу Луары, возле Блуа. Когда Монфор остановился у ворот замка друга, привратник поспешил их отворить. Начальник охраны кардинала пустил лошадь шагом. К нему тут же подбежал слуга. Мишель спешился и тот увел коня.

До шевалье донесся лязг клинков. Кто-то дрался на шпагах неподалеку. Мужчина, обогнув шикарные кусты шиповника, вышел на просторную площадку перед входом в замок, и увидел, как на ступеньках граф вальяжно фехтует со смуглым темноволосым молодым человеком. Тот очень старался, но ему оставалось только отражать удары, а не наступать самому.

— Ну же, Рафаэль, я учил вас множеству приемов, используйте их! — говорил граф. — Иначе вам никогда не одержать победу в настоящей схватке.

Как ни старался юноша, ему не удавалось победить графа. Неожиданно в руках де Куси оказался кинжал, и он молниеносным движением метнул его в дерево за спиной Рафаэля. Тот отшатнулся так резко, что граф засмеялся. Как раз в этот момент в шаге от летящего кинжала оказался Монфор.

— Граф, вы сама гостеприимность!

— О, вы уже приехали! — воскликнул Куси.

Казалось, он был искренне рад видеть друга. Мишель заранее предупредил его письмом.

— Обнимите же меня, граф, — тот раскрыл объятья.

Арман подошел и крепко обнял давнего друга.

— Эй, молодой человек, давайте я научу вас драться с этим старым дуэлянтом, — задорно бросил Монфор юноше, топтавшемуся в стороне.

Граф представил своих гостей друг другу.

— Это сын моего давнего товарища дона Линареса Саласара. Рафаэль, познакомьтесь, мой бывший сослуживец Мишель де Монфор.

Обоим невольно вспомнились те многочисленные морские операции, в которых довелось участвовать бок обок. И то, что граф был гораздо старше Монфора, не помешало им стать друзьями.

Увы, образованию морских офицеров в то время уделялось слишком мало внимания. Ни один французский монарх не стремился получить грамотный и умелый офицерский морской корпус. Серьезно занялся этим вопросом лишь в XVIII веке Жан-Батист Кольбер, маркиз Сеньелэ, морской министр Франции. Именно во Франции был впервые в Европе организован отдельный комендорский морской корпус. Во время обучения на полугодичных курсах кадеты знакомились не только с премудростями ведения морского боя, но и видами орудий, особен-

ностями их производства, зарядов к ним. Уже тогда Сеньелэ лелеял мысль о создании первой в мире военно-морской Академии, однако Людовик XIV был поглощен сухопутными делами на континенте, и финансирование данного проекта не состоялось.

Таким образом, становилось понятно, почему ни один из друзей не выбрал морскую карьеру. Позже пути товарищей разошлись, но Куси, когда доводилось бывать в Париже, иногда виделся с шевалье Монфором. Поэтому бывшие друзья не теряли друг друга из виду.

Граф пригласил обоих своих гостей в замок.

— Тебя прислал Мазарини? — тихо спросил он у шевалье.

— Обсудим это.

Граф ничего не сказал.

— Что тут у вас нового? — поинтересовался де Монфор.

— Мой старший сын сбежал в Англию, чтобы воевать на стороне Кромвеля, а младший, окончив Наваррский коллеж, посвятил себя изучению богословия и собирается стать священником, — вздохнул граф. — Для нас всех это стало, мягко скажем, неожиданностью. Но это его выбор.

Подросшая дочь графа де Куси была невероятно прекрасна — изящная, юная, излучающая радость. Но испанский гранд желал, чтобы она стала невестой его сына не только поэтому. Он хотел получить ее для своего Рафаэля вместе с ее богатым приданым и родством с древним и влиятельным французским родом. Поэтому и учил сына, чтобы тот, подчиняясь прихоти своенравной Александрин, скакал вместе с ней на лошадях по полям, слушал, как она поет и играет на клавесине. Только бы находиться рядом, добиться ее расположения, чтобы она намекнула отцу, что он ей приятен.

Рафаэля Саласара Александрин знала с детства. Да, ей рассказывали — когда она родилась, ее отец, охмелев за праздничным столом, пообещал отцу Рафаэля, дону Линаресу Саласару, что дети их поженятся. Но со временем эта договоренность забылась. Ведь во время уговора граф де Куси и дон Саласар были во всем равны, а сейчас семья испанского дворянина в немилости у короля и обеднела. Не вспоминать же теперь о данном двенадцать лет назад во хмелю обещании? Но если бы о нем забыл и сам Саласар… Его приезд вместе с сыном, чтоб познакомить будущих жениха и невесту, стал для графа неприятной неожиданностью.

Александрин держалась с Рафаэлем приветливо, но ни разу не дала понять, что он хоть немного ей нравится. Юноша был ровесником ее брата Армэля. Но хотя он и был видным, высокого роста, хорошо сложенным, однако в крупных чертах его лица ей виделось нечто отталкивающее. Когда Александрин с плачем заявила матери, что никогда — ни через пять лет, ни через десять — не выйдет замуж за Рафаэля, графиня пообещала ей сделать все возможное, чтобы этого не случилось. Тем более что родство с этим хоть и знатным, но нищим испанцем ей было ни к чему.

Граф и шевалье вошли в кабинет де Куси. Тот жестом предложил де Монфору сесть в кресло, сам же расположился за столом.

— Я не буду воевать на его стороне, — сразу предупредил граф.

— Я не прошу вас воевать за Мазарини. Я прошу вас воевать за французов.

— Точнее воевать с французами за одного итальянца и за испанку, которая пытается ему помочь удержать власть, — скептически произнес вельможа.

— Понятно, — Мишель понимал, что уговаривать друга не имеет смысла. Если граф что-то решал, его обычно невозможно было переубедить. Но и уезжать сразу, вот так, он не мог.

Вечером друзья пили в кабинете Куси, отмечая встречу. Граф был на редкость сдержан и выпил гораздо меньше увлекшегося де Монфора. Временами Арман поглядывал на часы, словно куда-то спешил. Но посланец кардинала не замечал этого.

Графу было приятно вспомнить прошлое. Но настоящее его интересовало гораздо больше… Он снова посмотрел на часы. Оказалось уже десять.

— Ладно, дорогой друг, вам пора отдохнуть. Тем более вы с дороги.

Намек на то, что граф больше не желает продолжать застолье, был настолько очевидным, что шевалье, хоть и расстроившись, решил, что действительно пора отправляться спать.

Утром он на правах старого друга, особо не церемонясь, явился в комнату к де Куси. Шевалье спешил сообщить о том, что уедет сегодня же. Монфору не было смысла оставаться, раз он все равно ничего не добился от друга.

Граф был в халате. Он сидел в кресле листал какие-то документы, некоторые из них подписывая.

— Входите, де Монфор, — бросил он и снова уставился в свои бумаги.

— Дорогой друг, я хотел попрощаться.

— Как, вы уже нас покидаете? — удивился хозяин замка. — Вы же еще толком не погостили. Вы хотя бы позавтракаете с нами? Я познакомлю вас с Саласаром. Думаю, вам будет интересно с ним пообщаться.

Граф встал, прошел по комнате, и, заметив что-то возле кровати, поднял кремового цвета чулки своей жены. Она забыла их, уходя сегодня утром из его спальни… Шевалье догадался об этом, и почему-то смутился, отведя глаза. Хоть он и был не силен в таких вещах, но чулки из тонко выделанной нежной козьей шерсти, украшенные кружевом, ленточками и золотыми стрелками были явно очень дорогими. Очевидно, Арман не отказывал супруге ни в чем. Граф небрежно бросил эту изящную часть женского туалета на кровать, чтобы служанка потом отнесла их хозяйке.

— Завтрак подадут в десять. Спускайтесь, Монфор, я вас прошу, — улыбнувшись, сказал ему граф де Куси.

… Графиня ступила в гостиную. Сидевший там человек вежливо поднялся, завидев входящую женщину. Она пристально вгляделась в незнакомца. Красивый, статный мужчина. Правда, несколько сухощав, точнее поджарый, как породистый жеребец. Одет он был в прекрасный темно-серый костюм и белоснежную рубашку. Но де Монфор явно не умел изысканно и дорого одеваться. Чувствовал себя неуютно, потому что больше привык к военной форме. Нельзя сказать, что графиня являлась чересчур впечатлительной дамой. Но встретившись с гостем глазами, она чуть не позабыла обо всем на свете. Глубокий взгляд темных глаз словно обжег ее. С трудом взяла себя в руки и постаралась говорить как можно холоднее.

— Доброе утро, господин де Монфор. Супруг предупреждал меня о вашем приезде. Что привело вас к нам? Ведь вы уже столько лет не общались.

«Она великолепна! — подумал шевалье. — Только глаза полны эгоизма и самовлюбленности».

— Всего лишь желание увидеть старого друга, — просто ответил мужчина.

Потом медленно нагнулся, чтобы поцеловать ей руку. Почувствовав тепло его ладони и мягкое прикосновение губ, графиня на секунду потеряла дар речи.

«Господи, как она великолепна!» — вновь потрясенно подумал он.

Роскошный материал дорогого платья кораллового цвета плотно облегал лиф и ниспадал каскадом атласа и кружев, подчеркивая все еще довольно тонкую талию Анны. От восторга по коже мужчины забегали мурашки.

Шевалье не заметил, как у него из кармана, когда он целовал графине руку, выпало письмо. Анна указала ему на это. Она заметила на конверте печать с гербом Мазарини.

— Ну вот у меня флеш-рояль и сошелся. Ожидая, что граф бросится вместе с вами помогать Мазарини, вы промахнулись тотально. Он фрондер, — объявила хозяйка и снисходительно

улыбнулась, видя, как вытянулось лицо мужчины от удивления. Монфор понял, каким дураком выставил себя перед другом.

Он старательно придумывал, что бы такого ей ответить, когда вошли дон Саласар с сыном. Через минуту появился и граф.

Александрин явилась последней. Крутилась перед зеркалом, прихорашивалась как обычно, потому и задержалась. Монфор при виде дочери друга удивился, что та ни капли не похожа на графа. Все от графини взяла — те же длинные светлые волосы, большие голубые глаза… Девочка была одета очень нарядно — светлое атласное платье мерцало, красиво ниспадая до пола, на широких рукавах блестели вышитые золотом узоры. И держалась Александрин крайне уверенно. Никакой робости, одна светлая улыбка.

Гостей угощали щедро — подавали мясо, рыбу, куропаток, запеченных в подливе из ягод, вина на любой вкус. За завтраком говорили о разном. Как-то сам собой разговор перетек к теме детей.

Саласар рассказывал об успехах Рафаэля, графиня же скептически улыбаясь, кивала ему.

— Наверное, все это очень поможет юноше в будущем, — сказала она. — Он сможет заработать себе состояние, занимаясь адвокатской практикой.

Она не просто нащупала слабое место испанца, но и больно по нему ударила. Он так усердно пытался скрыть, что они практически разорены, но ему это не удалось.

Шевалье, украдкой бросавший взгляды на графиню, разглядел под пышными кружевами, украшавшими вырез платья, заманчивые очертания ее груди. Обнаженные до локтей руки хозяйки были очень изящны. Это только подчеркивали изысканные браслеты и кольца. Время от времени она касалась рукой тугого светлого локона, выпущенного из прически и лежавшего у нее на плече.

Де Монфор почти с завистью смотрел на них — на графа и графиню де Куси. А в душе разгоралась странная привязанность к этой капризной, самовлюбленной женщине, в которой было вместе с тем и властное достоинство.

Гость довольно быстро нашел общий язык с испанским дворянином. Вместе с графом они отправились на прогулку, во время которой Куси показал другу владения. Особенно он гордился своими лошадьми и охотничьими соколами.

— Знаете, что удивительно, — сказал Саласар Мишелю, улучив момент. — Я давно знаю графа, а с графиней познакомился только сейчас, приехав сюда. В Испании они жили отдельно.

— Да? — удивился де Монфор. — И какое впечатление на вас произвела графиня де Куси?

— Она мне показалась достаточно жестким человеком, сильным и уверенным. Но ее характер не очень красит культ собственной личности.

Из вежливости граф предложил другу задержаться у него на несколько дней и тот неожиданно для себя самого согласился.

— Скоро должен приехать Армэль на каникулы. Познакомитесь с ним, — говорил де Куси.

А де Монфор надеялся еще не раз увидеть супругу графа. Ее присутствие опьяняло его, и он тянулся к этой женщине словно под влиянием наркотика. Но к своему изумление он заметил, что графиня его избегает. По крайней мере, ему так казалось. Хозяйка больше не появлялась в его поле зрения. Лишь на следующее утро, когда они с графом и испанским грандом отправились на конную прогулку, то встретили двух очаровательных всадниц — графиню и Александрин. Анна специально поравнялась с лошадью графа и, желая ему доброго утра, демонстративно поцеловала супруга.

Днем, бродя по замку и рассматривая портреты предков графа де Куси, де Монфор вошел в гостиную, где графиня и дон Саласар сидели в креслах и беседовали. Мушкетер услышал уже

конец их разговора, который сказал ему о многом. Графиня активно действовала за спиной мужа, разрушая их давнюю договоренность. И, похоже, она достигла цели.

— Возможно, вы скажете, что я надменна. Но я предпочитаю считать себя расчетливой, — говорила женщина.

— Я понял, мадам, что вы сделаете все, чтобы ваша дочь не стала невестой моего сына и чтобы наши семьи в последующем не переругались. Ну что ж. Я это принимаю.

— Мне приятно, что вы такой понятливый и не устраиваете из этого трагедию.

Испанец поднялся и коротко попрощавшись, покинул комнату. Графиня тоже собиралась уйти, но шевалье вдруг сказал:

— А вы не отличаетесь радушием, сударыня. Совсем не стараетесь уделить гостю внимания.

— Это вы о себе? Вы гость графа, а не мой.

Вечером Арман распорядился, чтобы для гостя нагрели воду и приготовили все для купания. Графу доставляли разнообразные душистые травы, которые придавали воде приятный аромат и очень расслабляли мышцы, давая телу отдохнуть. Горячая вода действительно расслабляла так, что Монфор едва не заснул в лохани. Вода уже начала остывать, когда он поспешно вылез, и принялся вытирать тело полотенцем. Но в этот момент дверь в купальню отворилась и кто-то вошел.

— Положите туда, — он услышал голос графиня и возню служанок, которые складывали вещи, предназначенные для стирки.

— Чтоб все было выстирано сегодня же, — распоряжалась мадам де Куси. — И здесь приберитесь. От сырости тут быстро скапливается грязь.

— Слушаемся, ваше сиятельство, — девушки вышли, чтобы собрать очередную партию белья.

Графиня же, не подозревая, что кто-то находится за перегородкой, стремительно вошла и почти налетела на Монфора.

— Господи! — от неожиданности воскликнула она. — Что вы здесь делаете?!

— Вообще-то купаюсь.

Она замерла, не в силах отвести глаз. Перед ней стоял полностью обнаженный мужчина, едва успевший прикрыть полотенцем пах. Довольно худой, жилистый, но было видно, как под кожей перекатываются его мышцы. Густая темная поросль на груди, розовый шрам на боку, еще один рубец на плече, плоский живот, тонкая полоска волос, ведущая книзу от пупка.

Графиня оказалась в западне — между лоханью с водой, столом с купальными принадлежностями, и шевалье. Единственный путь к отступлению — попятиться назад. Но сделав резкое движение, она зацепилась юбкой за угол стола и перевернула кувшин, вода из которого вылилась прямо на нее. Отшатнувшись, женщина едва не упала, но ее задержала сильная рука.

— Как вы неуклюжи, — произнес Мишель.

Какой забавной и растерянной она была в этот момент! Монфора захлестнуло всепоглощающее желание прикоснуться в ней. Осознав, что и так уже держит ее за талию, притянул графиню рывком, стал напористо целовать. Его поцелуй был теплым и мягким. А она сама не поняла, почему вдруг задыхаясь, стала отвечать. Словно голодный зверь ожил в нем, когда он, оторвавшись от ее губ, стал покрывать ее шею быстрыми горячими поцелуями, склонился к груди, которую скрывала от него ткань корсета. Удерживая ее одной рукой за талию, другой потянул вниз лиф. Соски мигом выпрямились из ареол. Мишель обхватил губами один. Анна всхлипнула, едва его язык принялся жарко щекотать ее плоть. От прикосновения его жесткого подбородка ее нежная кожа покраснела. По донесшемуся до него вздоху, больше похожему на сдерживаемый стон, и по тому, как по ее телу прошла крупная дрожь, шевалье вдруг понял, что она достигла высшей точки наслаждения. Так быстро! Как же наэлектризована она была,

что практически одно его прикосновение так на нее подействовало. Совершенно не соображая, что делает, он подхватил ее и посадил на стол, окончательно скинув оттуда кувшин, который с грохотом разбился.

Но графиня вдруг стала с силой вырываться.

— Не надо! — выдохнула едва слышно.

Однако Мишель ничего не соображал. Руки уже боролись с ворохом юбок, жадно искали ее тело, губы же вновь впивались в ее нежную кожу возле уха, в шею, в ямку под горлом.

Неужели эта шикарная женщина ему прямо сейчас здесь отдастся? Да он же с ума сойдет, как годовалый пес, впервые вскочивший на суку! Нужно только победить весь этот каскад юбок. От возбуждения все тело дрожало так, что руки плохо слушались.

Но в следующий момент он получил настолько мощный удар в грудь, что едва устоял на ногах. Анна резко уперлась в плечи Монфора руками, соскочила со стола, чуть не перевернув лохань с водой, и принялась второпях приводить в порядок одежду. Ее щеки стали пунцовыми, а в глазах полыхала ярость, смешанная со стыдом. Как вообще могла такое позволить! Да еще кому! Как же опозорилась! Графиня уже было занесла руку, чтобы ударить его, но остановилась. Полотенце, которым он прикрывался вначале, лежало теперь у его ног. Графиня осознала, что глядит прямо на его налившийся орган. Услышала, как Мишель шумно, с дрожью дышит. Словно очнувшись от наваждения, она со злостью прошипела:

— Вы что забыли, в чьем доме находитесь?

«А вы-то и сами забыли», — подумал шевалье. По его взгляду она догадалась об этой мысли. Поэтому и сбежала, пристыженная, шальная, с горящими щеками и пылающим взором…

Он думал, что она не выйдет к ужину. Но ошибся. Графиня хоть и выглядела великолепно в своем бледно-розовом атласном платье, простом, почти домашнем, без особых украшений, но была какая-то подавленная, бледная, непривычно тихая. Саласар рассказывал о своей недавней поездке в Италию.

— Мои родители были в Италии несколько лет назад, — сказала Александрин. — Но никаких подробностей кроме того смешного случая с купанием голышом я не помню.

Монфор поднял глаза от тарелки и заметил, как графиня тревожно глянула на мужа — не знала, как воспримет эти слова. Граф смолчал, лишь нахмурившись, посмотрел на жену.

— Я ей рассказала, да, — с легкой улыбкой проговорила Анна, спеша исправить оплошность дочери. И игриво добавила: — Готова понести за это наказание.

Девочка хихикнула.

— Ну расскажите! Пожалуйста! — потребовало это непосредственное юное существо.

Графиня взглядом спросила у супруга разрешения, он недовольно кивнул.

— Рассказывайте, раз уже начали. А то все бог знает что подумают.

Графиня, теперь немного оживившаяся, с готовностью заговорила:

— Мы как-то отдыхали в Неаполе. Именно там это и произошло. Как всем известно, город расположен вдоль побережья Средиземного моря. В один из вечеров мы решили искупаться в море. Так увлеклись, что у нас украли вещи и деньги.

На этих словах Мишель отвел глаза и мрачно уставился в свою тарелку, догадываясь, что так занимало чету де Куси в тот момент, когда какие-то неизвестные воры утаскивали их вещи.

— Я думала, что сойду с ума! — продолжала графиня. — Но мой супруг, по-моему, никогда не теряет самообладания. Он спокойно сказал мне ждать там же в кустах, а сам куда-то отправился.

— Без одежды? — изумился Рафаэль.

— Уже темнело, да и нижние штаны, к счастью, оставались на мне, — сказал граф. — Рубашка Анны тоже к тому времени высохла. Но ехать в таком виде по городу, как вы понимаете, не представлялось возможным.

— Вернулся граф в костюме, похожем на те, в каких ходят разбойники или пираты. То есть одетый во что попало, совершенно не сочетающееся между собой, — продолжала графиня. — А мне принес платье то ли прачки, то ли какой-то служанки.

— А где вы их взяли? — с интересом спросил юноша.

— Украл, — пожав плечами, просто сказал граф.

— А что было потом?

— На этом все не закончилось, — предупредила графиня. — Дальше меня ждал великий позор.

— Ну, вы преувеличиваете, — иронично усмехнулся де Куси.

— Мой супруг заставил меня петь перед прохожими.

— Действительно, что может быть ужасней, — пошутил дон Саласар. — А зачем?

— У нас ведь и деньги украли, — напомнила женщина. — До гостиницы, в которой мы остановились, было очень далеко. Тут граф и вспомнил про мой певческий талант. Видит бог, я упиралась до последнего! Это же Неаполь! Петь на улице? Ни за что! Но он был непоколебим. И мне пришлось сдаться. Причем граф познакомился с каким-то уличным музыкантом и позаимствовал у него гитару баттенте, чтобы мне аккомпанировать.

— Вы умеете играть на гитаре, граф? — подал голос де Монфор.

— Немного.

— Я бы сказала, совсем не умеет! — поправила графиня, вызвав очередной взрыв смеха у дочери. — Я предложила, чтобы этот музыкант мне и аккомпанировал, но его сиятельство сказал, что тогда придется с ним делиться доходом, а на гитаре играть — это просто и он сам справится. В общем, я пела. При чем, все, что могла вспомнить — от детских песенок и любовных баллад до религиозных гимнов. Ситуация, конечно, нарочно не придумаешь… Сначала меня слушал только один мужчина. Он первый бросил нам монетку. Думаю, я ему просто понравилась как женщина. С этого все и началось — к моему ужасу, люди начали собираться. Но, правда, деньги действительно нам бросали. Я пропела без перерыва больше часа. С непривычки болели даже легкие, не говоря уже о горле. Попросила графа поиграть, пока я немного отдохну, однако он так ужасно играл, что люди начали расходиться. Пришлось снова начать петь. Но это было даже мне на руку — вместо ушедших подошли другие, и я стала исполнять весь свой репертуар заново. Удивительно, что нас не сцапала городская охрана. Представляю, как все опешили, когда бедные музыканты наняли карету и умчались прочь. Так мы, наконец, вернулись в гостиницу, в которой остановились.

— А еще из Неаполя вы привезли Генриетту! — вдруг вспомнила Александрин.

— О, да! Я купила ее у какого-то бродяги, который совершенно о ней не заботился, — сказала графиня. Она подозвала служанку. — Принесите Генриетту, пусть все с ней познакомятся.

Гости с интересом глядели на дверь, гадая, кого же им предстоит увидеть. Мать и дочь заговорщицки переглянулись, а по лицу графа было видно, что он совсем не в восторге от этой затеи, но позволяет им развлекаться, пока это не вышло за определенные рамки.

Когда вошла служанка, сначала всем показалось, что она несет ребенка, но потом стало понятно — на руках у девушки сидела обезьянка в зеленом платьице.

— Моя девочка! — дочь графа пощекотала зверя под мордочкой.

— Господин де Монфор, у вас же нет детей? — вдруг повернулась графиня к Мишелю. — Но рано или поздно будут. Поэтому вам следует научиться их кормить. Берите ее на руки и кормите.

Шевалье слегка растерялся. Взяв пучок укропа, протянул животному.

— Дадим ей это.

— Если она будет так питаться, то скоро сдохнет, — скептически произнесла Анна. Она поднялась, взяла у служанки Генриетту и решительно приблизилась к де Монфору. Он ощутил запах ее духов — какой-то свежий цветочный аромат.

— Давайте, я посажу ее вам на колени.

Мишелю ничего не оставалось, как подыграть. Он взял животное, графиня заботливо поправила на обезьянке платьице и предупредила, чтоб та хорошо себя вела.

— Монфор, что вы ей сделали, что она так над вами издевается? — поинтересовался граф. — Бедного герцога Бофора она так чуть до истерики не довела за то, что он неудачно пошутил по поводу ее прически.

— Даже не знаю, дорогой друг, чем вызвал такое отношение, — серьезно ответил шевалье. — Ну что ж, покормлю я вашу обезьяну.

Однако Генриетта отнеслась к нему совсем не дружелюбно. Она принялась раскидывать еду, а потом опрокинула бокал с вином прямо на штаны де Монфору. Запах спиртного видимо еще больше разозлил животное. То, что случилось дальше, стало настоящим шоком для посланника кардинала.

С резким визгом обезьяна вдруг напала на мужчину, вцепившись лапками в его пах, вонзая цепкие сильные пальчики с коготками в мошонку. Гасконец чуть не вскрикнул от ужаса и боли, схватил животное, пытаясь оторвать от себя в страхе перед ее крепкими острыми зубами. Но Генриетта лишь глубже вонзила ногти в его тело. На глазах де Монфора выступили слезы. Он был готов отдать и сделать все, что угодно, лишь бы кончилась эта невыносимая пытка.

Догадавшись, что происходит, никто уже не улыбался. Даже графиня. Она, не двигаясь, наблюдала за происходящим. Граф, смерив испепеляющим взглядом жену и дочь, быстро встал и забрал обезьяну, которая при виде хозяина успокоилась и перебралась к нему на руки.

— Унесите, — сказал он служанке. — И чтоб я ее больше не видел.

Монфор никогда в жизни не чувствовал себя более униженным. Но, к счастью, о досадном недоразумении никто не вспоминал.

Переодевшись, Мишель вернулся в гостиную, где, между тем, начался настоящий домашний концерт. Графиня играла на клавесине, а Александрин исполняла какую-то задорную песенку. Держалась дочь графа так гордо, словно всеобщее внимание только придавало ей уверенности.

Шевалье некоторое время с замиранием сердца следил за тем, как жена друга сидит за клавесином, грациозно постукивая ножкой с такт музыке. Рафаэль же, в свою очередь, с благоговейным восторгом внимал пению дочери графа.

Затем все принялись уговаривать хозяйку саму спеть что-нибудь. Кроме де Монфора, которому все еще было неудобно за случай с обезьянкой. И графиня все-таки согласилась. Но с условием, что аккомпанировать ей будет супруг.

— Граф, вы и на клавесине играете? — изумился дон Саласар.

— Представьте себе. Даже лучше, чем на гитаре, — ответил де Куси.

Анна запела, и все невольно подались вперед. Какой голос! Сильный, высокий, летящий! Ее слушали не только гости, но и притихшие слуги, которые за секунду до этого внесли напитки и сладости.

Анна была в ударе. Она уже давно очаровала всех гостей, но сегодня благодаря ее великолепному вокальному таланту это очарование во стократ усилилось.

Граф и графиня даже исполнили одно произведение в четыре руки. В этом было столько гармонии, какого-то тепла и единения, что Монфор помрачнел. Он не желал этой паре ничего плохого, но не мог совладать с непонятно откуда взявшейся ревностью, которая рвала душу.

Анна же так увлеклась всем происходящим, что с легкой ностальгией вспомнила свое отнюдь не счастливое детство. Когда-то она, будучи воспитанницей монастырской школы для

девочек, пела в церковном хоре. Первый раз очень волновалась. Ей нужно было исполнить один из гимнов в честь рождения Сына Божьего Иисуса. Очень бледная и худая девочка стала у алтаря и запела. Платье послушницы было ей коротко — из рукавов виднелись тоненькие запястья. Но невозможно было не любоваться ее ярко голубыми очами и доходившими девочке до талии светлыми волосами. Усиленный хорошей акустикой помещения, голос был невероятно силен и звонок. Прихожане слушали как зачарованные.

Потом все так ее хвалили и восхищались ею, что мать-настоятельница поспешила увести ребенка, боясь, что в ее сердце это посеет зерно тщеславия. Она не догадывалась, что зерно тщеславия не только было посеяно, а уже разрослось буйным цветом…

Наконец наступила ночь. Когда Монфор уже собирался лечь спать, дверь в его комнату тихо отворилась. Он как раз закончил умываться и, повесив на спинку стула полотенце, оглянулся. Стоял с голым торсом, одетый лишь в нижние штаны. Графиня остановилась в дверном проеме и как-то странно смотрела на него.

— Что, еще что-нибудь придумали? Может, теперь собаку на меня натравите? — холодно проговорил он.

— Она вас сильно поранила? — спросила даже, как показалось шевалье, с некоторым сочувствием. Может и правда не желала, чтоб до такого дошло?

— Нет, все нормально, — уже более мягко ответил мужчина.

— Бедняжка… Я совсем не думала, что так получится, уверяю вас!

— Ладно, забудьте.

— Пожалуй, так и сделаю.

Ее насмешливая улыбка окончательно привела его в замешательство. Графиня явно хотела сказать еще что-то, но колебалась. Потом все-таки ступила в комнату, прикрыв за собой дверь.

— Надеюсь, вы не решили, что я хотела вас сегодня утром?

— Ну что вы, даже в мыслях не было, — спокойно сказал он.

При этом его глаза с наглой откровенностью скользили по ней сверху вниз.

— Это прекрасно, что мы правильно понимаем друг друга, — усмехнулась она.

Как она соблазнительна! Мишель вспомнил ее появление в купальне, и вновь представил себе, как спускает лиф платья, открывая ее нежные груди, и ощутил вкус ее кожи, губ, языка… В животе шевалье начал сворачиваться тугой комок возбуждения. Он даже подался к ней, но Анна сделала шаг к двери.

— Кстати, насчет вашей попытки переманить моего мужа на сторону Мазарини… — сказала, уже выходя. — Как можно так сглупить? Да, мой дорогой, вы оказались крайне неосмотрительны. Человек, который мечтает когда-нибудь сделать блестящую карьеру при дворе, не должен совершать таких безрассудных поступков.

Перед глазами то и дело всплывали картины этих нескольких дней — поразившая его встреча с графиней, оживленная и язвительная Анна в разговоре с испанцем, беззащитная и теряющая рассудок в его объятьях, ее показное веселье во время импровизированного концерта, неуловимые нежные взгляды и прикосновения, которыми они постоянно обмениваются с графом, и наконец, графиня, насмешливая и ироничная в его комнате… Монфор почти всю ночь пролежал без сна, терзаясь от сознания того, что она возносится сейчас к вершинам блаженства, утомленная и пресыщенная ласками своего мужа.

На следующий день дон Саласар с сыном должны были покинуть замок графа де Куси. Но утром Арман неожиданно сообщил, что ему тоже придется уехать на пару дней, поэтому он проводит их. На самом деле графу предстояла очередная встреча с фрондерами, которые планировали организовать побег герцога де Бофора из Венсенского замка. И естественно всего

этого он никому не сказал. Сославшись на неожиданные дела, Арман попросил Монфора дождаться его возвращения, и покинул замок рано утром.

Во время встречи он, конечно, сообщил остальным о визите посланника Мазарини.

— Думаете, этот человек опасен? — нахмурился принц Конти.

— Вряд ли. Монфор беспринципный карьерист. Ему все равно за кого драться, — пожал плечами граф.

Известие о том, что случилось несчастье, пришло на следующий день вечером. Графиня сидела в кресле в гостиной. Ее волосы были заколоты таким образом, что локоны спускались густыми волнами вдоль лица на грудь. На графине было мягко отсвечивающее в свете свечей золотом парчовое платье.

Монфор, стоявший напротив, вдруг опустился рядом на колено, положив ладонь на ее пальцы.

— Сударыня… — с бесконечной печалью говорил он. — Позвольте сказать вам. Я приехал сюда не для того, чтобы воевать с вами или чтобы как-то опорочить вас.

Вся его наглость, что так злила ее, куда-то улетучилась. На ее место пришла мрачная тоска. Графиня внимательно посмотрела на шевалье.

— Мне кажется, я вас люблю, — не дождавшись ответа, проговорил он.

Анна отвела глаза и нервным движением освободила свои пальцы из его руки.

— Граф и догадываться не должен, — сказала сухо.

— Не тревожьтесь, то, что случилось здесь, умрет навек.

— Так уж и навек? — бросила она холодно.

— Да, — словно не слыша издевки в ее тоне, кивнул Мишель.

— Он мне очень дорог… — вдруг тихо сказала Анна.

— Так дорог, что вы даже жили в Испании в разных домах? — не выдержал де Монфор.

Повисло странное молчание. Он ждал. Графиня чуть заметно вздохнула, собираясь что-то сказать, когда дверь в комнату распахнулась, и запыхавшийся слуга в запыленном от долгой езды верхом костюме вбежал в помещение. Молодой человек поклонился. Графиня встала.

— Почему вы приехали один? Где Ангеранн?

Слуга молчал, опустив голову.

— Мне велено передать это письмо его сиятельству, — наконец сдавлено проговорил он. — Это послание от господина Кромвеля.

— Граф уехал. Вы можете объяснить, что случилось?

Слуга нерешительно переминался с ноги на ногу, робея под взглядом графини.

— Господин виконт… Он погиб во время боя с королевской армией.

Лицо графини стало каменеть прямо на глазах. Вмиг словно тень накрыла.

— Что? — только и выдохнула женщина.

Пытаясь осознать это страшное известие, она на секунду замерла. Как можно было поверить в такое? Как? Зачем? Умер Ангеранн, а земля разверзлась перед его матерью… Графиня вскрикнула. Громко и коротко, как от рванувшей боли. Начала оседать и упала бы на пол, если бы не подхватившие ее мужские руки. Монфор прижал Анну к себе. Она рыдала, билась, захлебывалась плачем, в то время как он с силой обнимал ее, пытаясь успокоить. Но сколько бы не утешал, графиня никак не могла остановиться. В памяти так и стоял Ангеранн — маленький, светловолосый, скромный ребенок, совсем не похожий на отца и совершенно не такой уверенный в себе, как ее второй сын Армэль. Так горько ей было, и страшно, и жаль сына! И казалось, что никогда к ней больше не вернется ее прежняя жизнь. Наконец перестав упираться, горячим от слез лицом она уткнулась, как слепая, Мишелю в плечо в том месте, где оно переходило в шею. Он чувствовал ее дыхание на своей коже, гладил ее по волосам, вздрагивающим от рыданий плечам, спине.

Какая огромная беда так неожиданно обрушилась на нее! На нее одну, ведь никто больше так остро как она, мать, не ощутит эту потерю. Монфор даже подумал: хорошо, что она смогла сорвать первую боль слезами. Хуже, если бы затаила все в себе. Именно это больше отвечало ее характеру.

Не знал, сколько он так простоял с ней, прижимая к себе свою мечту … Он шептал какие-то слова утешения, которые, конечно, сейчас ничего не значили. Но тихий звук его голоса, ощущение сильного плеча рядом постепенно немного успокоили графиня. От долгого плача на нее нашло какое-то оцепенение. Анна просто уже не могла рыдать, поэтому чуть слышно вздыхала, постанывала, не решаясь оторваться от этой поддерживающей ее опоры. Она не чувствовала, как нежно он целует ее волосы, виски, лоб, как мягко его рука прижимает ее за талию к его телу. Она просто хотела спрятаться от всего мира…

В это время Александрин скакала на лошади по лесной тропинке. Ей навстречу ехал верхом на белом жеребце молодой человек. По виду он был на три-четыре года старше ее. Темноволосый, зеленоглазый, юноша был довольно хорош собой. Увидев его, девочка улыбнулась.

— Александрина, я так рад вас видеть! — воскликнул он.

— Это взаимно, Филипп, — ответила она.

Ее взгляд говорил о многом. Юная дочь графа де Куси и не пыталась скрыть, как ей нравится сын вельможи, чьи владения располагались по соседству. Иногда юноша приходил в замок к графу, чтобы навестить девочку, но его воспринимали только как друга дочери.

— Знаете, Филипп, отец хочет подарить мне на шестнадцатилетние имение! — сообщила она в восторге. — Я слышала, как они с мамой обсуждали это. Уверена, что у меня будет самый красивый дом!

— Это же великолепно. А я рассчитываю быть в нем первым гостем, — лукаво прищурившись, сказал юноша.

— О, безусловно, — одарила его прелестной улыбкой девочка. — Только еще так долго ждать!

«Первый гость… Знал бы граф, какие намеки позволяет себе этот ее ухажер. И что она эти намеки прекрасно понимает», — подумал ехавший на почтительном расстоянии слуга-охранник, сопровождавший юную красавицу во время конных прогулок.

— Батюшка грозится меня отдать замуж по своему выбору, — с печалью вдруг сказала Александрин, — Но я думаю, просто пугает. Не может же граф родную дочь за нелюбимого заставить идти?

Никто в замке и подумать не мог, что у двенадцатилетней Александрин и шестнадцатилетнего Филиппа уже практически роман. Детская первая любовь… Увы, молодые люди еще не знали, какие испытания им уготованы! Через четыре года руки девушки для своего сына попросит маркиз де Ла Рискаль. Этот союз будет очень выгоден обеим семьям. Поэтому граф даст согласие, и они с маркизом решат как можно скорее познакомить будущих жениха и невесту. К слову, кандидатуру друга детства дочери — сына барона де Брионе, чьи владения примыкали к землям графа де Куси, — граф не рассматривал в принципе, о чем и сообщит ей в категоричной форме. До самого дня сватовства юная Александрин не проронит ни слова против. И лишь когда ее будут наряжать в великолепное праздничное платье, а граф и графиня войдут в ее комнату чтобы посмотреть, как идут приготовления к встрече гостей, девушка мрачно произнесет:

— Хороша же невеста. Любит другого.

Граф промолчит, и тогда повернувшись к нему, девушка добавит:

— Невеста с приплодом.

Непорочность и чистота невесты всегда были одними из главных условий для заключения брака между дворянами. Для любого вельможи важно, чтобы в жены ему досталась чистая дева, потому и блюдут так строго честь дочерей все знатные роды. Потеря невинности до брака, а уж

тем более беременность — настоящий позор для семьи девушки. А когда все это открывается прямо накануне сватовства… Что может быть хуже?

— Совсем с ума сошла, — графиня только заморгала длинными ресницами, глядя на дочь.

На побледневшем лице Анны в тот момент выразилась растерянность и настоящий страх. Глянула на мужа, словно не видя его, и ее светлые глаза потемнели от напряжения. То, как переменилось и побагровело лицо графа, не на шутку испугало и Александрин, и графиню. Он застыл, словно не веря своим ушам. А потом буквально взревел от ярости. Своеволие и нечистота дочери не просто стали на пути брачного договора, но и поставили его в ужасное положение. Ведь ему придется как-то объяснять маркизу, почему их уговор должен быть разорван. Девушке стало страшно, что отец убьет ее. Графиня бросилась к мужу, заслоняя от него стоявшую опустив голову дочь — такую нежную и хрупкую в своем атласном платье цвета слоновой кости. Сама боялась его, но страх за ребенка пересиливал.

— Арман, остановись! Это же наше дитя! Если ее погубишь, никогда себе не простишь!

Граф кричал, что та опозорила его и что он запрет ее в монастыре. Грозился уничтожить Филиппа за то, что подло поступил с оказанным ему доверием. Вон чем ответил на дружбу и теплое отношение в замке Куси. Конечно, забыл граф, как сам когда-то в юности всех молоденьких служанок перепробовал. Да и одно дело служанки, а другое — графская кровь. Ни о какой любви и слышать не хотел.

Александрин беззвучно рыдала. Это она предложила Филиппу такое развитие событий, решив, что если понесет от того, кого сама выбрала себе в мужья, другого выхода у отца не будет, как отдать ее за него замуж.

С трудом вымолит тогда пощаду для дочери графиня де Куси. Чуть ли не в ногах у мужа будет валяться, лишь бы не сослали ее младшее непутевое чадо в монастырь, а дали выйти замуж за любимого.

Но до всего этого было еще долгих четыре года, и сейчас девочка просто предложила Филиппу отужинать у нее дома.

— Отец должен уже скоро вернуться, и Армэль утром прислал слугу с сообщением, что будет дома к вечеру. Он по дороге заехал к какому-то своему товарищу. А еще у нас в гостях друг отца. Они с батюшкой когда-то служили вместе.

Граф де Куси тоже во весь опор мчал домой. Он уже знал о том, что случилось. Звеня шпорами, Арман почти бежал к гостиной, где, как сказали слуги, находилась его жена. Анри спешил следом. Когда граф и аббат вошли, им открылась уже известная нам картина — стоявший посреди комнаты де Монфор, прижимавший к себе графиню. Она подняла голову и обернулась на звук шагов. Сердце графа пронзила острая боль, когда он посмотрел в ее заплаканные глаза. «Как же я мог оставить тебя одну в такой момент», — мысленно корил он себя.

Завидев мужа графиня, потянулась к нему, как маленькая девочка тянется к отцу. Граф обнял супругу, потом опустился на диван, усадив ее к себе на колени, успокаивая как ребенка, тихонько покачивая.

Он — ее опора, ее любовник, ее муж и союзник. Вздохнув, Анна мысленно поблагодарила его за мудрость, силу, а более всего — за любовь. «Мне повезло, — подумала она. — Мне так повезло, что он у меня есть. И об этом я всегда буду помнить».

Она положила голову Арману на плечо. Ее пальцы утонули в пене кружев роскошного жабо у него на груди. Казалось, что уже все слезы выплакала, но сейчас опять так и хлынули. Плакала, прижимаясь к мужу, обняв его за шею и не стыдясь никого. Почему-то в памяти графа всплыл момент их венчания. Как в старой церкви, в дымке трепещущих свечей, только для них двоих звучали мудрые и вечные слова священника…

Никто не обратил внимания на тихо вошедших и растерянно застывших в стороне детей — Александрин и ее друга. Но когда за дверью послышался топот, аббат Дюамель-Дюбуа быстро шагнул ко входу.

— Кто там? — Анри собирался прогнать наглеца, так шумно врывающегося в гостиную.

— Виконт Армэль Валентин де Куси де Монмирай! — шутовски отрекомендовался юноша, войдя, снимая шляпу, кланяясь и делая ею круг, так что перо подмело пол.

Монфор поразился — до чего на графа похож! А улыбнулся — что-то от графини в лице мелькнуло. Глядел дымчатыми глазами из-под темных бровей, а все в молчании смотрели на него.

— Что произошло? — едва слышно спросил Армэль.

Он уже понял — что-то не так. Даже сам воздух был пронизан ощущением беды.

— Ваш брат Ангеранн погиб, — ответил аббат.

Александрин заплакала и Филипп принялся ее успокаивать.

— Как это случилось? — виконт побледнел.

— На поле боя.

Будущее пугало его. Еще вчера он не задумывался ни о чем. Его опорой были родители и брат. И вот, так неожиданно он навсегда потерял Ангеранна… Как же странно, что в один момент можно лишиться родного человека. И виконт понимал, что это не последняя его потеря. Еще не расцвело, когда Армэль поднялся с постели, зажег свечу и, опустившись на колени перед распятьем, стал молиться. Юноша еще не ведал о том, какая ему уготована блистательная и благородная судьба.

Глава 6. Неосторожные слова

1652 г.

В церкви было очень холодно. Толстые восковые свечи горели чуть потрескивая. Приглушенно пел хор. В какой-то момент воцарилась тишина: священник подошел к алтарю и начал церемонию…

Александрин Соланж де Куси, нежная, трепетная маленькая мадемуазель, наряженная в сверкающий атлас, алмазы и жемчуга, стала баронессой де Брионе тихо и без лишнего пафоса. Свадьба была подготовлена очень быстро, на торжество пригласили только самых близких. Весь день свирепствовала гроза. Природа негодовала по воле Господа, а вот отец невесты был хмур и угрюм по вполне понятным причинам — не такого мужа он хотел для дочери. Она вызвала его гнев, ослушавшись его воли, и мало того — забеременев от своего ухажера. Собственно, это обстоятельство и послужило причиной торопливой церемонии. Граф де Куси даже не пытался сделать вид, что рад за дочь. Но, несмотря на явное нерасположение к нему со стороны отца Александрин, Филипп де Брионе не мог насмотреться на свою девочку-жену. Он безумно любил ее и это невозможно было не заметить.

Когда свадебная процессия приехала из церкви в замок Брионе и гости сели за столы, Арман выглядел безразличным к происходящему и довольно невежливо игнорировал попытки новых родственников с ним пообщаться, всем своим видом давая понять, что все это у него особой радости не вызывает.

Ближе к вечеру, уже отведав практически всех сортов вина, которое подавалось к столу, он стал периодически язвительно подшучивать над теперь уже мужем дочери, норовя поставить того в неловкое положение. Всех, кто хорошо знал графа де Куси, удивляло такое его поведение, ведь он всегда отличался умением вести себя в обществе и невероятным самообладанием. Графиня как могла, сглаживала жестокие высказывания мужа, переводя их в шутку, но при этом сверля его возмущенным взглядом. На помощь ей пришел виконт де Куси, обратив внимание гостей на себя. Он танцевал практически со всеми присутствующими дамами, отпускал остроты и развлекал гостей смешными историями.

— Виконт, вы окончательно выбрали стезю священнослужителя? Неужели вас не прельщают соблазны мира? — кокетливо поинтересовалась Эжени — кузина Филиппа де Брионе, яркая брюнетка с зелеными глазами.

Молодой человек вздохнул и мягко произнес:

— Вы имеете в виду женщин?

Девушка многозначительно улыбнулась и вместо ответа вдруг прямо спросила:

— Сейчас задам безумно наглый вопрос. У вас есть любовница?

Настала очередь Армэля многозначительно улыбнуться и промолчать. Юноша склонил голову, пряча задорно блеснувшие синие-пресиние глаза. Виконт незаметно перевел тему разговора. Он забавлял молодежь, собравшуюся возле него в дальней части зала, рассказывая смешные случаи из жизни Александрин. Правда теперь сестра не так болезненно реагировала на них, как в детстве, а тоже покатывалась со смеху вместе со всеми.

— Армэль, вы еще расскажите свою любимую историю про пони, — бросил граф, заметивший, что его сын сел на своего любимого конька. — Ее уже все выучили наизусть но, может, найдется кто-то, кто не знает. Сам научил сестру глупости и сам посмеялся — бесподобно.

— Граф, вы ужасный ворчун! — притворно надув губки, заявила Эжени. — Давайте, Армэль, про пони!

Виконт пропустил колкость отца мимо ушей.

Видимо плохое настроение было только у графа де Куси. Остальные гости веселились и, как и подобает в такой день, от всего сердца поздравляли новоиспеченных мужа и жену.

Прохаживаясь среди гостей юная баронесса обратила внимание на смешного напыщенного невысокого человечка в парике.

— …Он армянин, — презрительно говорил он о ком-то.

— Кто такой армянин? — поинтересовалась Александрин у мужа.

— Армяне — это такой древний народ, проживающий на Кавказе, — стал рассказывать ей Филипп. — Они внешне схожи с нами, французами. Такие же темноволосые и темноглазые, с прямыми или чуть с горбинкой носами.

— Хм, я француженка. Но у меня светлые волосы и глаза. Когда мне было шесть, я сбежала из дому и отправилась гулять по улицам Мадрида. К слову, до сих пор удивляюсь, как долго взрослые могут не обращать внимания на пропажу ребенка, — повествовала новоиспеченная баронесса. — Я улизнула незаметно, бродила среди домов, каких-то грязных канав и нищих. Потом меня обступила местная детвора — дети простолюдинов. Они удивлялись, что я такая светлая, а они все смуглые и черноволосые. Трогали мои волосы, говорили, что похожа на куклу. Мне было страшно. Правда моя гувернантка меня быстро нашла и отвела домой, строго наказав никому об этом побеге не рассказывать, а то бы ее выгнали.

Вскоре гостям подали десерт — цукаты, персики, желе и прочие сладости. Большим сюрпризом для всех стало необычное для Франции лакомство — горячий шоколад.

— О шоколад! Какая прелесть! Я много слышала о нем, но никогда еще не пробовала, — с восторгом сказала Эжени де Брионе.

— Это графиня любит, я такое не ем, — скептически заметил граф де Куси — Рецепт этой гадости испанцы скрывают, пришлось специально приглашать кондитера из Мадрида.

— Граф, вы приехали на свадьбу дочери чтобы поворчать? — подняла брови девушка.

— Не только. Еще выпить.

— Вы потрясающий мужчина! Обожаю вас!

— Эжени, флиртуйте не так явно, — усмехнулся Арман.

Девушка хихикнула.

Графиня де Куси беседовала в это время с нескольким дамами, рассказывая о том, что впервые попробовала шоколад в Мадриде и с тех пор влюбилась в него. Хотя многие, отведав необычный десерт, недовольно морщились — он оказался совсем не сладким, а скорее горьким.

— Я не могу понять графа до конца. Он закрыт, не улыбчив, ироничен, — говорила Эжени Армэлю.

Виконт хотел что-то ответить, но в этот момент его отвлекла графиня де Шаре — отвратительная пожилая дама, от которой разило так, словно она никогда не меняла исподнего. Эжени удивляло, как у Армэля хватает терпения общаться с ней, да еще и на скучные религиозные темы. И как он не замечает бесстыжего взгляда, которым эта старуха его периодически окидывает!

Вечером из отъезжающей кареты Анна наблюдала за провожавшими гостей бароном и баронессой. Александрин веселая, нарядная, невероятно прекрасная, дурачилась как ребенок — сорвала с мужа шляпу и побежала, смеясь. Надеялась, что он бросится следом. Но у того хватило ума этого не делать. Лишь стоял, улыбался. «Стыд какой», — подумала графиня. Ей не по душе был этот скоропалительный брак дочери. Но то, какой несчастной становилась девушка при виде своего отца и то, как вел себя с ней и Филиппом граф де Куси, вынуждало графиню проявлять дипломатичность, чтобы не усугублять и так напряженную ситуацию. Она злилась на Александрин и одновременно испытывала к ней жалость. За весь день отец и дочь практически не разговаривали, за исключением того момента когда он, согласно традиции, подвел ее к алтарю.

Еще грядет череда торжеств, после чего Александрин и Филипп отправятся во Флоренцию. А через полгода у них появится ребенок…

Вернувшись в замок почти ночью, граф сбросил нарядный, расшитый золотом камзол, и, прохаживаясь по гостиной в одной кружевной рубашке и, то и дело наливая себе еще вина, болтал с аббатом Дюамелем-Дюбуа. К слову, де Монфор не смог приехать на свадьбу дочери друга, хоть и был приглашен. Он прислал письмо с поздравлениями и извинениями, в котором ссылался на невозможность приехать из-за службы. Анри высказал мысль, что это просто повод, а истинная причина нежелания шевалье приезжать кроется либо в различии политических взглядов либо в чем-то другом…

Когда Арман наконец поднялся в свою спальню, жены там не было. Граф озадаченно обвел взглядом комнату и, пошатываясь, направился на половину графини. В ее покоях свечи не горели — значит, уже спала, не дождавшись его. Скинув одежду, он бросился на кровать и привлек к себе супругу. Но неожиданно для него она отвернулась, плотнее закутавшись в одеяло.

— Я устала, — проговорила графиня холодно.

За все время, что они были вместе, практически не было случаев, когда она отказывала ему. Разве что если плохо себя чувствовала. Арман разозлился.

— Устали рисоваться перед гостями, делая вид, что рады породниться непонятно с кем?

— Устала лицезреть ваше ужасное поведение, позорящее и унижающее нашу дочь.

— Вот как, значит? «Унижающее нашу дочь», — передразнил он. — Не нашу, а вашу. Вы ее родили от кого-то другого, потому что у меня такой глупой дочери быть не может.

Анна приподнялась на локте и застыв смотрела на мужа. В лунном свете, падавшем на постель, он отчетливо видел, как изменилось ее лицо. Когда неожиданно получаешь удар в живот — вот, пожалуй, с чем отдаленно можно было сравнить чувства графини. Но у нее хватило сдержанности не устраивать скандал и не броситься вон. Она лишь сказала после долгой паузы каким-то чужим голосом, звук которого поразил ее саму:

— Думаю, после таких слов мне лучше покинуть ваш дом.

Он промолчал.

Графиня уехала рано утром. Арман видел из окна, как она садилась в карету. Будучи довольно закрытым, гордым и злопамятным человеком, он никогда не просил ни у кого прощения. Но сейчас душа рвалась туда, вниз, он даже бросился уже к двери, потом услышал, как застучали лошадиные подковы и зашелестел под колесами гравий — карета отъехала. Графом овладело отчаянье. Душа, казалось, распята или растоптана… Внутри что-то сдавило. Арман схватился за грудь и застыл, припав к стене спиной. Вошедший слуга успел заметить испуг на его побледневшем лице. Впервые в жизни им овладело настолько сильное, практически осязаемое чувство страха. Сердце никогда не беспокоило графа де Куси.

Несмотря на непрекращающуюся боль в груди, он весь день пил с другом. После обеда Анри уехал, Арман же решил, что надо прилечь и немного отдохнуть. Раньше не отдыхал днем, но это давление в области сердца никак не проходило. Сон не шел. Мысли снова вернулись к жене. Куда она поехала? В Париж? Неужели так сильно обидел ее? Сам уже смутно помнил, что наговорил ночью. Решил завтра же отправиться следом. Но к вечеру ему стало намного хуже. Задыхаясь, хрипя, позвал Санчо. Тот явился незамедлительно и застыл в шоке, видя, как исказились черты лица его господина. Арман уже не слышал, как суетились вокруг слуги и как приехал доктор. С ним случился сердечный приступ.

Карету и лошадей графиня прислала назад, когда наняла почтовых…

В казарме, как обычно, стоял шум и царило оживление. Кто-то отпускал сальные шутки или хохотал над ними, кто-то спал, громогласно храпя, кто-то чистил оружие или сапоги. Де Монфор играл в карты с двумя солдатами и ему очень везло. Он выиграл подряд два раза.

Вчера так и не добрался до своей квартиры и друзья после бурной попойки притащили его сюда.

— Вам сегодня несказанно везет! — с завистью произнес один из солдат, наблюдавших за игрой.

— Если бы мне еще не было так плохо, — посетовал шевалье. — Десять дней пить — это вам не шутки.

С приходом к власти Мазарини, сначала умело продолжавшего политику Ришелье, французская армия одержала ряд побед над испанцами в длившейся тогда войне. Но когда во Франции началась гражданская война, названная Фрондой, во время которой против кардинала выступили не только ремесленники, купцы и крестьяне, но и знать, желающая вернуть привилегии, отобранные у дворян Ришелье, дела Мазарини значительно ухудшились. Войско редело с каждым днем, офицеры пьянствовали ночи напролет, интенданты воровали. Ни о каком благополучии, силе и процветании армии говорить не приходилось…

Увлеченный игрой де Монфор даже не сразу расслышал в этом гомоне, как караульный вошел, вытянулся в струнку и сообщил:

— Командир, там к вам дама.

— Что? Какая еще дама?

«Если Полин явилась сюда — прибью дуру», — недовольно подумал Мишель, шагая к двери. Голова гудела от выпитого накануне. И игру пришлось прервать — что тоже не добавляло этой даме, кто бы она ни была, шансов на радушный прием.

Дверь была приоткрыта и де Монфор услышал, как второй караульный громко говорил кому-то:

— А недавно на шевалье де Монфора напали сразу семь наемных убийц! Он отбивался как лев! Хорошо, что наши ребята подоспели вовремя!

«Вот болтун!», — с этой мыслью Мишель вошел в приемную и пораженно застыл.

— Вы?

Женщина в расшитом камнями красном платье и в изысканной красной с черными перьями шляпке, украшенной рубиновой брошью, сидела на стуле и нервно теребила в руках перчатки. Разодетая дерзко и дорого, словно для парадного обеда, она подняла на него глаза. Перед ней стоял смуглый, худощавый брюнет в помятой одежде. Его лицо было покрыто щетиной — не успевал приводить себя в порядок между пьянками. Но эта несколько грубоватая деталь придавала шевалье еще больше очарования. Упавшие в живописном беспорядке волосы, свежий шрам на запястье… Монфор уставился на сидевшую перед ним женщину своими большими, блестящими, почти черными глазами. В этот момент — какими-то дикими и напуганными.

— Что-то с графом? — его голос дрогнул.

Анна отрицательно покачала головой.

— Самое страшное, что с ним могло случиться — напился до беспамятства как всегда.

«Если бы не вы, он бы не начал пить», — подумал Мишель. Он не верил в происходящее. Приехала к нему?

— Жак, ступай вон, — бросил шевалье все еще находившемуся тут же караульному. Тот поспешно удалился.

— Что привело вас сюда? — теперь была очередь де Монфора задать ей этот вопрос, как некогда она спросила у него в замке де Куси.

— Я поеду в имение покойной матери, — тихо ответила графиня. — Это далеко отсюда. Я была там давно и всего один раз. С мужем. Отправила туда письмо с распоряжением, чтобы все подготовили к моему приезду. Но прежде чем ехать, мне нужно к казначею. Сегодня к нему я уже не попаду. Только завтра. На гостиницу у меня нет денег. Мне необходима… ваша помощь.

— Моя? — Мишель удивленно уставился на нее. Смысл ее слов постепенно доходил до его сознания и это вызывало массу вопросов.

— Господин Монфор, его высокопреосвященство вызывает вас к себе, — просунув в приоткрытую дверь голову, объявил какой-то солдат.

— Ладно, разберемся позже, — шевалье быстро написал на клочке бумаги адрес, достал ключи от своей квартиры и положил перед Анной.

— Ждите меня там, — и снова унесся, так же быстро как вошел.

Освободиться ему удалось только поздно вечером. Поспешил со всех ног домой. Весь день только и думал о своей неожиданной гостье. Гадал, что случилось, и что заставило ее приехать именно к нему. Когда явился к себе в квартиру, увидел, что графиня спит. Ее платье лежало на стуле, а у двери стояли упакованные вещи. Монфор задумчиво смотрел на спящую женщину. Потом тихо вышел в коридор и позвал слугу.

— Возвращайся в казарму, переночуешь там, — сказал шевалье. — Придешь рано утром, по дороге купи свежих булочек и молока. А то еды совсем нет. И смотри, не проспи.

Слуга с недовольным видом ушел. Господин же снова заглянул в свою комнату, чтобы посмотреть на гостью. Во сне она натянула на себя одеяло и перевернулась на живот, почти уткнувшись лицом в подушку. Светлые пряди рассыпались по одеялу и кружевной золотистой сеткой упали ей на щеку. Мишель вышел и бросился на кровать слуги. Так и пролежал без сна почти всю ночь, прислушиваясь к ее размеренному дыханию и не веря своему счастью…

Не заметил, как заснул уже под утро. Проснулся де Монфор около одиннадцати. Сразу услышал голос графини. Она говорила слуге, чтобы тот нанял ей карету. Кое-как приведя себя в порядок, пригладив пятерней волосы, вошел в комнату. Анна в своем алом платье сидела за столом и, отщипывая кусочки от аппетитно пахнущей булочки, не спеша ела.

— Доброе утро, — сказал шевалье.

— Уже почти день, — отозвалась она.

Когда слуга ушел, Мишель сел напротив женщины и вопросительно на нее посмотрел.

— Может, расскажете все-таки, что случилось?

— Ничего. Просто я разрушила все, что у меня было. Без угрызений совести и сожалений. У меня было все. А сейчас ничего нет.

— И что дальше?

— Понятия не имею. Вы же знаете, какой он. В нем бездна зазнайства. Он может часами с гордостью рассказывать о том, что обучил нового сокола охотиться или о том, что его лучшая кобыла родила жеребенка от лучшего скакуна. Он кичится даже тем, что он пьяница! Либо ты живешь по его правилам, либо убирайся к черту. Я устала жить по его правилам.

— А почему вы приехали ко мне?

— Потому что я не хочу, чтобы кто-то знал, что я в Париже. А вы единственный человек, который точно ему это не сообщит. Завтра же я уеду.

— Вы без служанки?

— Служанка донесла бы ему, куда я поехала.

— Ехать одной на такое большое расстояние небезопасно для женщины.

— Вы смеетесь что ли? Мне уже не двадцать лет, и даже не тридцать. Кому я нужна? У меня, между прочим, скоро будет внук, — усмехнулась графиня.

Мужчина промолчал.

— По пути заеду к Армэлю. Он недавно получил приход. Как раз посмотрю, как он там устроился. Боже, никогда бы не подумала, что мой сын станет священником! — говорила она.

Смотревший на нее долгим взглядом де Монфор, наконец, решился сказать вслух то, что думал:

— Я поеду с вами. Одинокая дама, путешествующая даже без служанки, обязательно привлечет внимание грабителей. Если с вами что-то случится, я не прощу себе этого.

— А ваша служба?

Мишель небрежно махнул рукой.

— Я уже больше года не брал отпуск. Вот как раз отдохну.

Следующую ночь де Монфор провел на службе. А утром, выпросив у кардинала отпуск, отправился к себе на квартиру. Мазарини посчитал, что после того нападения начальнику его охраны действительно лучше было на какое-то время убраться из Парижа.

Анна сидела на кровати. Одетая в черное с синими вставками платье, с воротником под горло, она бы выглядела очень строго и холодно, если бы не уложенные красивыми локонами волосы, добавлявшие ее виду кокетливой утонченности. Как и маленькая синяя шляпка на голове.

Карета подъехала к дому почти сразу после него. Мишель приказал слуге отнести вещи графини, быстро побрился, оставив лишь аккуратную эспаньолку, и, захватив все необходимое, что ему могло понадобиться в дороге, помчался вниз. После бессонной ночи он выглядел довольно помято.

— Вы словно в монастырь собрались, — отметил шевалье, окидывая Анну взглядом.

— Я должна соответствовать образу матери священника, — улыбнулась она.

Нормандия — провинция недалеко от Парижа, на берегу моря. Именно там, в районе Руана, располагался приход, в котором служил Армэль. Он объединял несколько деревушек. Этот край всегда славился необыкновенной красотой своей природы и своими сырами. Сыры здесь делали действительно отменные. Как и сидр. В чем не преминул убедиться де Монфор, когда они остановились в таверне чтобы перекусить. К слову, в Нормандии Анне, наконец, удалось нанять довольно расторопную девушку в служанки.

Шевалье плохо помнил, о чем говорил со своей спутницей. Его настолько поразило осознание того, что она рядом, что он с трудом соображал. Нес какую-то чушь о том, что именно здесь сожгли бесстрашную Жанну д'Арк и с видом знатока рассуждал о том периоде истории. Лишь бы не молчать и не погружаться в раздумья, лишь бы не прислушиваться к своим чувствам… Анна же почти все время безмолвствовала. Иногда де Монфору даже казалось, что она его совсем не слушает. А он не мог надышаться запахом ее духов.

Когда услышавший звук подъезжающей к дому кареты Армэль вышел к воротам и увидел, кто приехал, его удивлению не было придела.

— Матушка!

Он обнял графиню. Молодой человек едва достигал среднего роста, но был прекрасно сложен. С возрастом он стал еще больше походить на отца. С первого взгляда де Монфору даже показалось, что перед ним стоит сам граф — почти таким же он был, когда друзья познакомились. Только в лице виконта не было той надменности, какая была присуща его отцу. Армэль был очень хорош собой, подвижен, его красивое лицо было приветливым и открытым.

Но сейчас виконт смерил де Монфора взглядом темно-синих, глаз. Таких же пронзительных и глубоких, как у Армана. Он словно все понял, потому глядел холодно и немного презрительно. Однако поздоровался вежливо.

— А где отец? Вы погостите у меня, матушка? — на виконте была простая домашняя одежда, и он мало походил на священника. О том, что дом принадлежит духовному лицу, говорили церковные принадлежности, Библия и другие духовные книги, а также висевшая в углу сутана.

Увидев на столе какую-то открытую книгу, которую Армэль, видимо, как раз читал, Анна перелистнула пару страниц.

— Я изучаю труды кардинала Ришелье, — заметив это, сказал он. — Великий человек был!

Графиня отметила, что граф де Куси не любил Красного герцога, и виконту тут же захотелось это обсудить. Однако, несмотря на разговоры на отвлеченные темы, избежать вопросов о том, почему она приехала и почему граф не с ней, Анне не удалось.

— Я решила наведаться во владения, принадлежавшие моей покойной матери, вашей бабушке, виконт, — наконец тихо сказала она, стараясь не смотреть на сына.

— Прекрасный уход от ответа, — скептически произнес Армэль, испытывающее глядя на мать.

Добиться большего ему не удалось. Он предложил графине и ее спутнику переночевать здесь же, но Анна категорически отказалась.

— Мы остановимся на постоялом дворе, а утром продолжим путь.

— Матушка, это же очень далеко. Нужно ехать несколько дней, — не успокаивался молодой человек. — Как вы могли решиться сами отправиться в такую поездку? Хотите, я поеду с вами?

— Нет, Армэль, не стоит.

— Господин де Монфор, спасибо, что сопровождаете ее, — от шевалье не ускользнула некая ирония в его словах.

Уезжала Анна уже намного более веселая, чем она была на пути сюда. Довольная что ей не пришлось рассказывать сыну истинную причину ее побега из дома, она теперь почти без умолку говорила. Мишель же наоборот стал более молчалив. Не замечая перемен в его поведении, она что-то рассказывала ему, когда мужчина вдруг сказал спокойно, но каким-то напряженным голосом:

— Сударыня, отодвинетесь, пожалуйста.

Анна удивленно округлила глаза, но послушалась. Только сейчас заметила, что сидит действительно близко к нему. Через пышные юбки она чувствовала его твердое бедро.

— А что случилось? — все-таки не выдержала и поинтересовалась она.

— Рядом с вами я не в состоянии контролировать не только свои мозги, но и свое тело, — тем же тоном ответил де Монфор, глядя прямо перед собой.

Графиня, осознав смысл его слов, молча отвернулась, чтобы скрыть смущение, и стала смотреть в окно.

Спустя какое-тот время шевалье все-таки нарушил воцарившееся неловкое молчание.

— Почему вы не сказали сыну правду?

— Какую правду? О том, как его отец заявил мне, что Александрин дурочка и не может быть его дочерью? Что я родила ее непонятно от кого? — голос графини де Куси задрожал.

Мишель не верил своим ушам.

— Может, Арман сказал, не подумав? — попытался он оправдать друга.

— Граф не говорит не подумав. Еще когда я была ею беременна, он заявлял подобное! И неспроста вспомнил сейчас. Значит, думал об этом все время! Всегда сомневался в том, что она его дочь! — произнесла с обидой Анна.

«Видимо у него были причины так считать и ставить под сомнение происхождение девочки», — подумал де Монфор, но промолчал.

— Прожить с ним столько лет, чтобы услышать такое оскорбление! — говорила графиня возмущенно. — Я многое терпела, но услышать, что моя дочь — ублюдок? Незаконнорожденная? Навязанное ему чужое дитя? Он не смеет говорить мне это!

Следующее утро выдалось очень теплым и солнечным. Шевалье прохаживался у кареты, ожидая, когда его спутница соизволит спуститься из своей комнаты на постоялом дворе, и они отправятся дальше. Лошади тоже нетерпеливо топтались на месте. Наконец де Монфор увидел, что Анна идет по двору, оживленно болтая о чем-то с женой хозяина. На графине было надето платье цвета, который называют персидским синим. Довольно глубокое декольте почти не скрывало ее соблазнительных форм.

Супруга трактирщика несла в руках кувшин. Дамы уже поравнялись с Мишелем, и он услышал обрывок их беседы.

— Это сок из черники. Я только что сделала. Хотите отведать?

Графиня взяла у нее кувшин и немного отпила. Капля сока, густая, темно бордовая, упала с горлышка ей на грудь. Анна ощутила, как жидкость, холодя кожу, скользит вниз и вдруг почувствовала теплое щекочущее прикосновение. Монфор пальцем провел по полукружию ее груди от линии платья вверх, к ключице, вытирая капельку сока и дорожку от нее. Опешившая графиня изумленно проследила за его рукой и подняла на него пораженный взгляд.

— Аккуратнее. Платье испортится, — тихо сказал он, глядя ей в глаза.

Сок действительно едва не попал на светлое кружево, которым был отделан верх лифа. Смутившись, графиня отвела глаза и ничего не сказала. Села в карету, даже забыв похвалить сок и попрощаться с трактирщицей. По коже Анны пробежали мурашки. И вряд ли они были вызваны холодным напитком.

Монфор уже давно не был неопытным юношей и прекрасно видел, что происходит с его любимой женщиной. Куда подевалась уверенная в себе, язвительная и холодная дама, злого языка и нрава которой он даже побаивался? Она не щадила людей, которые чем-то ее обидели или затронули ее интересы. Защититься от нападок графини Мишелю обычно было не под силу, и порой рядом с ней он чувствовал себя глупым теленком. Теперь они словно поменялись ролями. Анна уже не могла прятаться за большую любовь всей своей жизни, без конца напоминая ему, что ей дорог супруг. После того, как она рассказала шевалье о том, что ушла от графа, графиня словно стала беззащитной перед его напором. Монфор был уверен в своих силах и пока выжидал, наблюдая, как в ней разгорается томление… Хотя сопротивление и попытки сохранить призрачную верность мужу оказались сильнее, чем он думал.

Когда вечером они остановились в очередном постоялом дворе, Мишель решительно вошел в комнату Анны и запер дверь. Без камзола, в одной рубахе, закатав рукава так что видны золотисто-смуглые руки, под тонкой тканью угадываются мускулы, а в проеме воротника — курчавая темная поросль на груди… Графиня, стоявшая у окна, не успела ничего возразить, когда мужчина притянул ее к себе и стал покрывать горячими поцелуями ее шею. Вдыхая цветочный аромат ее духов, он сам пах чем-то пряным и жарким. Его руки потянули за тонкую ткань пеньюара, чтобы прикоснуться к телу, которое он так страстно желал…

— Нет, Мишель, не надо… Не надо!

Почти крикнула, оттолкнула его и запахнула на груди пеньюар.

— Пожалуйста, перестань. И иди спать, — сказала хрипло и отступила, словно готовясь в обороне.

— Что за глупая женская жестокость так мучиться самой и мучить меня? — в сердцах бросил он.

* * *

Миниатюрная, пухленькая (ее положение уже было не скрыть), румяная, Александрин взлетела по ступенькам замка. В своем желтом с розовым платье и шляпке в тон она казалась какой-то райской птичкой. Ее глаза ярко сияли лазурной голубизной, как и небо в этот день. Она всегда была похожа на котенка — игривого, ласкового, но своенравного и порой диковатого. Юная баронесса хотела попрощаться с матерью перед предстоящим путешествием.

— Графиня дома?

«Замужняя дама, еще и беременная, а скачет как белка» — подумала служанка.

— Ее сиятельство уехала на следующий день после вашей свадьбы, сударыня.

— Как уехала? Куда? — удивилась молодая женщина.

— Никто не знает. Спросите у графа. Он у себя в комнате, врач запретил ему подниматься с постели.

— Он болен? — воскликнула Александрин.

— Ну да.

Девушка понимала, что должна зайти к батюшке, но страх перед ним пересиливал беспокойство за его здоровье. Ни от кого не укрывалась неловкость, возникавшая, когда дочь оказывалась в обществе отца. Невозможно было не заметить внезапных периодов молчания и напряженной атмосферы между ними. Баронесса смалодушничала и так и не поднялась в комнату графа.

Армэль тоже приехал в родовой замок. Юноша был поражен, узнав, что отец болен и находится в постели, потому что доктор не позволяет ему подниматься. Не снимая плаща и шляпы, в запыленных ботфортах, виконт бросился в спальню графа. И почти столкнулся с аббатом Дюамелем-Дюбуа, выходившим оттуда.

— О, крестный! — воскликнул он. — Что с отцом?

— Сердце, — коротко ответил Анри. — Он спит, так что пойдемте, мой друг, побеседуем в гостиной.

— Но я хочу увидеть его, поздороваться!

— Он заснул только что. Думаю, не стоит его будить, — настоял аббат.

— Мама знает, что произошло?

— Нет, она уехала сразу после свадьбы Александрин. На следующий день.

— А почему?

Аббат лишь пожал плечами.

— Отец сам от себя всех разогнал — и Александрин, и маму, — вдруг печально сказал Армэль.

Движением головы он откинул назад волосы, черные как у графа… и взгляд тот же, что у графа… и в смехе, и в голосе его было что-то от отца… Анри раньше редко задумывался над тем, насколько юноша похож на Армана. Сейчас же поймал себя на мысли, что невольно завидует другу. У него есть достойное продолжение… Самому аббату было неведомо, есть ли у него дети. Никогда в жизни ни одна женщина не говорила, что носит его дитя.

Позже войдя в спальню к графу, виконт сокрушенно отметил про себя, как сильно исхудало его лицо. Он был очень бледен. Армэль думал, что у него просто недомогание, но теперь он видел болезнь в его глазах, в плотно сжатых губах, даже в атмосфере комнаты.

Граф улыбнулся сыну приветливо, но его глаза были пусты. Он лежал в белой рубахе, безжизненно вытянув руки и ноги.

Виконт оцепенел. Что если отец умрет?… В это невозможно было поверить. Это было немыслимо. Армэль, которому было двадцать три года, вдруг ощутил себя маленьким мальчиком, совсем не готовым стать главой семьи.

— Армэль, я хочу вас попросить отправиться в Париж. Я думаю, туда уехала ваша мать. Она должна вернуться. Мне бы хотелось, чтобы вы с ней побыли какое-то время здесь.

— Я надеюсь, батюшка, вы не помышляете о смерти! — в голосе виконта слышался испуг. — Мы каждый день будем молиться о вашем здоровье! И я уверен, что вы скоро пойдете на поправку.

Арман ничего не ответил.

— И мама не в Париже! — вдруг добавил Армэль.

— Откуда вы знаете?

— Я ее видел.

Граф посмотрел сыну прямо в лицо.

— Она отправилась в имение бабушки де Боул, а перед тем заехала ко мне. Сказала, что хочет проверить все ли там в порядке, — пояснил тот.

— Как я не подумал об этом имении! — теперь граф глядел куда-то мимо Армэля. — И как она?

— Нормально.

— А почему вы не стали ее сопровождать? Она что поехала одна?

Молодой человек молчал.

— Почему ты не поехал с ней? — в голосе графа послышались повелительные нотки, но потом словно его осенила какая-то догадка, и Арман спросил уже тихо: — Она что… была не одна? Ее кто-то сопровождал?

— Господин де Монфор, — ответил виконт.

Анри повернулся к графу, они обменялись молниеносными взглядами. Непонятный Армэлю диалог между ними продолжался некоторое время, но ни слова не было произнесено вслух. Потом Арман отвернулся и стал смотреть на небо, видневшееся в окне.

Глава 7. Пожар

Кутаясь в шаль, графиня де Куси спешила к карете. Осторожно ступала между лужами, оставленными утренним ливнем. Это путешествие ее уже порядком утомило. Хотелось быстрее приехать, искупаться, выспаться на чистой, пахнущей свежестью постели.

— Эй, мадам… — неожиданно какой-то пьяница грубо схватил проходящую мимо Анну за руку и, развернув лицом к себе, попытался обхватить женщину за талию.

Та не успела опомниться, как подскочивший Монфор взял наглеца за шиворот и одним движением опрокинул на землю. Из-за того что был худощав, Мишель выглядел гораздо мельче пьяного верзилы, но не смотря на это он, казалось, не замечал сопротивления незнакомца, словно тот был не тяжелее грудного ребенка. Анна наблюдала за тем, как шевалье несколько раз ударил плохо соображающего, что происходит, мужчину кулаком в лицо. Она никогда и подумать не могла, что он обладает такой силой…

Когда они, наконец, сели в карету, графиня заметила у Монфора кровь на руке. Кожа на костяшках пальцев оказалась свезена.

— Спасибо, — сказала она, достав платок и принявшись осторожно вытирать кровоточившую ссадину.

Но вдруг шевалье с какой-то злостью резко выхватил у нее платок и сам стал промакивать кровь. Она удивленно посмотрела на него.

— Почему вы злитесь?

— А вы не догадываетесь? — бросил он.

Как же он изменился за последние дни! Стал грубее, решительнее. Из-под его бархатного с кружевами камзола рвалась наружу неуправляемая необузданная сила, обезоруживающая графиню, подавляющая ее.

Заметив, как обеспокоено она на него смотрит, смягчился. Осторожно взял ладонями ее лицо, припал к губам, проник языком, исследуя ее рот. Она замерла. Вдруг все стало расплываться от слез. Она ощутила, как горячая капля, щекоча щеку, потекла по лицу. Когда де Монфор начал целовать ее шею и рванул застежку лифа чтобы обнажить грудь, Анна встрепенулась:

— Ну пожалуйста, не надо! — умоляюще прошептала она.

Он не останавливался, его ласки становились настойчивее.

— Не сейчас! — выдохнула графиня

— А когда? — вдруг поднял он на нее глаза.

— Когда приедем, — ответила графиня и так взглянула, словно сама не ожидала этих слов.

Глаза мужчины зажглись радостью, а на лице появилось выражение какого-то детского восторга.

— Правда? Вы не шутите?

— Не шучу, — тихо проговорила она и вздохнула.

После этого шевалье был словно сам не свой. Мысленно считал часы и минуты до приезда. И постоянно невольно улыбался. В то же время Анна казалась печальной. Она долго не решалась взглянуть на Монфора, хотя чувствовала, что он с нее глаз не сводит.

— Я вас обидел?

— С чего вы взяли? — не поворачиваясь, спросила она.

— Иногда я бываю довольно сообразительным.

Она промолчала, потом вдруг спросила:

— Когда я была у вас дома, приходила какая-то красивая брюнетка. Она вам кто?

— Женщина.

Графиня повернулась и прямо посмотрела ему в глаза.

— Ты с ней спишь?

— Да.

— Давно?

— Да.

— Мог бы и соврать, — фыркнула мадам де Куси.

Уже поздно вечером они подъехали к имению Флер Нуар. Когда Анна вышла из кареты и окинула взглядом дом, он показался ей таким же мрачным, как погода в этот день. Стены были мокрыми, как будто долго плакали. Графиня и забыла, что обстановка может быть настолько убогой. По сравнению с замком на Луаре интерьер Флер Нуара представлял жалкое зрелище.

На дворе стояло вполне теплое, хоть и очень дождливое лето, но здесь почему-то было чертовски холодно. Может из-за близости воды. В те времена камины строились во всех комнатах дома, так как за городом огонь в камине часто необходим даже летом. Когда в камине в темной и неприветливой гостиной развели огонь, стало намного теплее и светлее. Графиня уселась в одно из старомодных кресел и поднесла руки к огню. Кресло было сырым, как и все в доме — стены, полы, мебель. На каминной полке стояли старинные статуэтки, изображавшие всадников, дам, охотничьих собак.

Чуть позже обходивший дом перед тем, как отправиться спать, смотритель увидел, что на террасе, выходившей в жалкий голый сад, стоит госпожа. На освещаемое голубым светом наконец-то появившейся луны пространство вдруг упал золотистый луч из комнаты, где горели свечи. На террасе появилась мужская фигура. Мужчина подошел к даме, обнял ее сзади, привлек к себе. Он что-то тихо говорил ей, она отвечала. Но слов было не разобрать. Потом слуга увидел, как мужчина склонился, целуя женщину в шею. Она повернулась к нему, и вот они уже страстно целуются, сжимая друг друга в объятьях. За всю жизнь ему не раз приходилось становиться свидетелем человеческого предательства. Пожав плечами, смотритель побрел дальше.

* * *

— Принесите вина!

— Что вы, граф! Вам категорически нельзя пить! Это вас убьет!

— Ну и что? Зато я не буду валяться здесь, и становиться немощным стариком. Сегодня же проедусь верхом.

— Но это тоже пока нежелательно. Ваше сердце никак не приходит в норму и совсем меня не радует. Приступ может повториться в любой момент с еще большей силой, — говорил доктор. — Мой вам совет — отбросьте печальные мысли. Они не дают вам окончательно выздороветь. А лучше помиритесь с женой и дочерью.

— Не вам мне советовать, что я должен делать, — нахмурился Арман. — Санчо, неси карты. Будешь со мной играть.

Граф раз за разом проигрывал своему слуге и злился все больше.

— Ты точно жульничаешь! — возмущался он.

Санчо в ответ отрицательно мотал головой.

— Почему тогда я опять проиграл?

Слуга пожимал плечами.

— А где Армэль? Давай, зови. Может, хоть его я обыграю.

Но выяснилось, что виконт куда-то уехал еще утром.

Графу было скучно. Замок словно опустел. Раньше, работая в своем кабинете, он то и дело слышал голос графини, которая отдавала распоряжения служанкам или кухарке. Вечером она обычно играла на клавесине и иногда они с Александрин пели, а граф спускался послушать и поболтать с ними. Такие вечера были особенно уютными. А когда Армэль приезжал на

каникулы или погостить, брат с сестрой без конца ссорились, ходили удить рыбу или носились на лошадях по полям. Однажды Армэль нашел в лесу бельчонка и принес Александрин. Та его выхаживала, поила молоком. Зверек прожил у них довольно долго, пока девушка не решила отпустить его на волю, чтобы он нашел себе пару, как она объяснила. Вся эта возня порой надоедала графу. Но сейчас он остро чувствовал, как ему этого не хватает. Теперь никто не играл, не пел, не ездил верхом на утреннюю или вечернюю прогулку. Даже Армэль куда-то запропастился. А скоро он вообще уедет в свой приход.

Виконт покинул замок на следующий день. Перед отъездом неожиданно спросил:

— Хотите, я поеду за мамой и привезу ее?

— Я не хочу, чтобы она возвращалась из жалости ко мне, — резко сказал граф.

Юноша ничего не ответил на это.

Уже будучи в седле, он повернулся к графу, провожавшему его, и сказал:

— Отец, будьте добрее к людям. Все-таки среди них бывают хорошие.

Рано утром, когда она спала, когда лежала в постели обнаженная, он осторожно снимал все покровы, смотрел на нее, касался ее. Он так долго ждал этого, что теперь реальность происходящего ошеломляла его.

От его поцелуев и прикосновений она проснулась. Длинные ресницы затрепетали, Анна резко и широко раскрыла глаза, еще туманные, еще во власти сна. Потом моргнула раз, другой и наконец, узнала его.

— Мишель?

— А ты кого ожидала увидеть?

Она смотрела на него как-то странно, потом вяло улыбнулась. С готовностью открыла ему объятья. Лаская ее, он хотел только одного — чтобы она забыла обо всем, кроме желания быть с ним…

— Почему ты не приехал на свадьбу Александрин? — спросила Анна за завтраком. — Побоялся лишний раз показать, что общаешься с фрондерами?

— Не поэтому. Как бы я себя чувствовал, находясь рядом и не имея права даже взглянуть лишний раз в твою сторону? — сказал Монфор.

Графиня промолчала. Мишель, наконец вкусивший запретный плод, провел с Анной две недели. Днем они гуляли по парку имения, катались на лошадях в лесу или около пруда, а ночью предавались любовным утехам.

Однажды вечером они шли по берегу старого пруда, расположенного неподалеку от дома.

— Когда мы однажды приезжали сюда после возвращения во Францию, один из слуг, работавший в доме с того момента, как его построили прежние хозяева, сказал что в грозовые ночи вода тут так бурлит, что со дна поднимается ил. И кто знает, какие там лежат утопленники, — мрачно произнесла графиня.

Пару раз они ходили пешком в близлежащую деревню. Местные жители были весьма дружелюбны и останавливались посреди улицы, чтобы поболтать с ними.

— Вы готовите вино? — спросила Анна, заприметив бочки с виноградом.

— Да, у нас здесь отличные виноградники Гренаш и Мускадель, — ответил старик, похожий на пирата. — Хотите потоптать виноград?

— Я? — воскликнула женщина. — Я никогда этого не делала.

— Тогда прошу, — старик сделал жест, приглашающий графиню к бочке.

Она растеряно посмотрела на своего спутника. Но тот уже со смехом ринулся к ней и, едва она успела снять туфли и чулки, подхватил и поставил в бочку. Ощущения были непередаваемые! Анна, подняв платье до колен, топтала виноградные ягоды, которые лопаясь, превращались в густую сочную мякоть, и заливисто смеялась бархатным русалочьим смехом. Вдруг графиня запела веселую старинную французскую песню. Столпившиеся тут же местные

жители стали подпевать. Монфор наблюдал, как она поет и кружится в бочке и его душа переполнялась любовью к ней. Ему хотелось схватить ее за талию, закружить в танце. Поймав его взгляд, Анна прочла в нем восхищение и желание.

«Интересно, как бы они поступили, если бы узнали что он мой любовник? — спрашивала она себя. — Забросали бы меня камнями, забили палками? Изгнали бы из деревни? Или запретили бы посещать церковь?»

Слуги в доме, конечно же, знали правду. Хоть это и было довольно давно, они помнили графа де Куси, когда он с женой приезжал в имение.

Не верилось, что за пределами Флер Нуара течет обычная жизнь, что где-то есть графство Куси и все еще объятый Фрондой Париж. Но к реальности вернуться все-таки пришлось. Монфору нужно было возвращаться в столицу французского королевства.

Встреча с аббатом Дюамелем-Дюбуа стала для Мишеля неприятным сюрпризом. Они случайно встретились в таверне «Охотник и лиса». На вертеле жарился небольшой кабанчик. Аппетитный запах разносился по всему залу. Мужчины выбрали самый отдаленный стол в углу помещения и, взяв бутылку вина, расположились там.

— Я в Париже ненадолго, — пояснил аббат. — Хорошо, что мне все-таки удалось с вами увидеться. Где вы были?

Монфор, конечно же, заметил, каким испытывающим взглядом глядит на него Анри.

— Какая разница если сейчас я тут.

— И каково это — добиться расположения супруги некогда близкого друга?

Шевалье понял, что аббат либо все знает (но откуда?) либо обо всем догадывается. Отпираться не было смысла.

— Какое вам дело до этого, Анри? — прямо спросил он.

— Было бы абсолютно никакого, если бы не случилось то, что случилось, — произнес аббат, задумчиво потирая перстень на пальце.

— Что вы имеете в виду? — настороженно спросил начальник кардинальской охраны.

— Арман болен. У него был сердечный приступ. Сейчас его самочувствие гораздо лучше, но доктора не исключают повторения приступа, которое может привести к смерти.

Лицо Монфора покрылось меловой бледностью. Он был настолько поражен, что не находил слов.

— Она должна вернуться, мой друг. И как можно скорее, — негромко, но твердо сказал Анри.

Неожиданно в глазах Мишеля сверкнуло какое-то безрассудное упрямство. Он не желал подчиняться обстоятельствам и терять только что обретенное счастье. Даже если это будет стоить ему такую высокую цену.

— Она теперь моя жена, — угрюмо проговорил Монфор.

— Ты совсем уже свихнулся? — воскликнул Анри. — Не в ладу с головой?

Но видя, каким несчастным выглядит де Монфор, он уже мягче проговорил:

— Ты думаешь, что ты нужен ей? Серьезно решил, что эта дама может променять короля на валета, пусть даже козырного? Что ты можешь ей предложить? Рай в своей квартирке в Париже? Да тебе бы пришлось идти воровать, чтоб она жила как привыкла. Ты для нее развлечение. Средство вместо лекарства. У нее же трагедия. Муж напомнил, что она ему неверна была. Сказал правду. Вот она и умчалась.

Самое интересное, что аббат был абсолютно прав. Но Мишелю не хотелось в это верить.

— Передай ей, что случилось, и скажи, что он хочет, чтобы она вернулась.

На это шевалье лишь хмыкнул, опустив глаза. И ничего не ответил.

Уезжая, он обещал вернуться через две недели. Но уже подходила к концу третья, а его все не было. Когда же де Монфор подъехав верхом к особняку, спрыгнул с лошади, и, бросив поводья слуге, поспешил в дом, то едва успев войти, увидел что она бежит ему навстречу. Но

вместо того чтобы броситься к нему в объятья, графиня в порыве ярости изо всех сил ударила любовника. Опешивший шевалье пытался остановить ее, но разъяренная женщина била его в грудь и по лицу.

— Где ты был?! — закричала она. — Со своей Полин? Скотина! Убирайся!

Она действительно не находила все это время себе места. Когда он не приехал, как обещал, через две недели, она решила, что он не приедет больше никогда. Вспомнила его молодую любовницу Полин. Сколько ей? Двадцать пять?

Монфор схватил ее за руки и прижал к себе.

— Я не знала уже что думать! Хотела ехать в Париж!

— Со службы не отпускали, — коротко проговорил он и вдруг склонился к ее губам.

Анна отвернулась.

— Не прикасайся ко мне!

Получив то, о чем столько времени мечтал — доступ к ней, в ее спальню, он ощущал себя на вершине триумфа. Как она не может понять, что ему никто больше не нужен? Ну и что, что ей уже почти сорок девять, а ему немного больше?

Шевалье сильнее прижал Анну к себе, ища ее рот. Наконец они слились в жадном поцелуе. Монфор подхватил любовницу на руки, перенес до дивана и стал срывать с нее одежду.

— Не здесь! Слуги увидят…

— Пошли они к черту, — вымолвил он, обхватывая губами ее грудь, а потом опускаясь ниже.

— Платье-то зачем было рвать, — пробурчала одна из служанок, прикрывая двери гостиной и делая знак остальным убираться.

Монфор так и не рассказал графине о том, что виделся с Анри. И о том, что граф болен. Аббат сделал это сам, нагрянув во Флер Нуар в одно дождливое утро. Когда графине доложили, что за гость пожаловал к ней, она вышла к нему сразу же, как была — в темно-зеленом домашнем платье, напоминающем халат. Застегнутое на талии, оно открывало нижние юбки и кружевную сорочку. Волосы Анны были распущены, лишь передние пряди собраны сзади и небрежно заколоты. Мысленно она порадовалась тому, что Мишель буквально за четверть часа до этого уехал в город и должен был вернуться лишь через несколько часов.

— Какая неожиданность, сударь, — улыбнулась она гостю.

— Я еду в один приход, по делам церкви. А так как дорога моя все равно лежит мимо вашего имения, решил навестить вас, графиня, и кое в чем убедиться. Как вы здесь устроились?

— Не плохо, как видите, — ответила Анна. — Правда тут немного мрачно, порой мне кажется, что в доме обитает приведение — эти скрипы, шорохи… Словно шаги и вздохи какой-то неупокоенной души.

— Надеюсь, вам это только кажется. Хотя атмосфера действительно зловещая.

Приказав принести угощения и вина, графиня предложила гостю расположиться в кресле.

— Вы останетесь погостить? — спросила она несколько напряженным тоном, что не ускользнуло от Анри.

— Нет, — поспешил успокоить ее тот. — Мне нужно продолжать путь. Я лишь хотел кое-что вам сообщить. Но сначала скажите, Монфор здесь?

Графиня подняла на него пораженный взгляд, посмотрела пристально и остро.

— Нет, — сказала она отрывисто.

Аббат удовлетворенно кивнул.

— Вы меня осуждаете? — вдруг спросила Анна с некоторой воинственностью, словно готовясь к защите и решив напасть первой.

— Мое дело молиться за вас. Осуждать я не в праве, — пожал плечами аббат.

— У меня началась новая жизнь, — стала говорить женщина, будто оправдываясь. — Мне не нужно бояться, что кто-нибудь узнает, что у меня есть любовник, не нужно хранить верность супругу, не нужно лгать. Я свободна.

— Не примите мои слова за осуждение, но я не понимаю людей, которые решают вот так все разрушить. На ровном месте.

— Не на ровном месте! Это копилось долго и больше я не хочу терпеть.

— Что терпеть? — усмехнулся Анри. — Не дурите. Возвращайтесь к мужу. Он вас любит.

— Плевать ему на меня! Мне теперь совершенно ясно, что он обо мне всегда думал. Любил бы — не сказал бы такого.

Аббат вздохнул.

— Как я вижу, вы не знаете, что случилось. Хоть и просил де Монфора вам передать. Граф болен.

Пока он рассказывал обо всем, что случилось с Арманом после ее отъезда, Анна слушала, а в глазах стояли слезы, резавшие, как осколки стекла. Ее сердце разрывалось от этих слов.

За окнами шумел проливной дождь, едва утихнувший и вот начавшийся с новой силой. Воздух был свеж и прохладен.

— Насколько болен граф? — выпытывала графиня у Анри.

Его бодрые заверения, что он уже почти поправился, казались ей полными притворства и не внушали никакого доверия.

— Бог все прощает, — уже собираясь уезжать, сказал аббат.

— Мой бог — нет, — ответила Анна.

— Поверьте, ваш бог тоже, — улыбнулся аббат, прекрасно понимая, кого она имеет в виду.

— Я не знаю, как быть. Жизнь все так запутала, — вздохнула она.

— Делайте так, как подсказывает сердце. Езжайте домой. Он ничего не знает наверняка, и не узнает, по крайней мере, от меня.

Аббат грустно покачал головой, поцеловал ее руку и вышел.

Осмелится ли она вернуться к мужу после всего? Она лихорадочно металась по комнате и спрашивала себя: отчего ей так больно? Хотела забыть его, выкинуть из головы. Но разве словами рассудка уймешь расходившееся сердце? Потом бросилась на диван, рыдала, уткнувшись лицом в подушку. А в это время в коридоре шептались служанки, заглядывая в проем двери:

— Ну, вот к чему все это привело. Не иначе как граф у Папы испросил разрешение на развод, что она так убивается.

— И поделом ей — изменщице, распутнице. Таких люди ненавидят и презирают. Раньше потаскуху привязывали голой к телеге, тащили по городу и били плетьми. Так что ей еще повезло.

Что если он болен смертельно? Анна решила ехать. Монфор ничего не знал о визите аббата и вернулся, когда тот уже уехал. Вошел в гостиную и увидел, что графиня заливается слезами. Стал успокаивать, еще не понимая, что случилось. Прижимал к себе, но когда понял, что она вырывается и отталкивает его, удивился.

— Почему вы так злы на меня? Вы сами бросаетесь ко мне, потом сами на меня за это злитесь! Это вы приехали ко мне! Я не искал с вами встречи!

Он был прав. Она всегда испытывала к нему физическое влечение.

— Как вы могли, он же ваш друг! Как вы могли скрыть от меня, что он болен?! — проговорила вдруг она сквозь слезы.

— Я слишком люблю вас, чтобы вернуть ему.

… Она ожидала увидеть мужа в постели больного и изможденного, но ее взору предстала совсем иная картина. Он ехал верхом на коне, гордый и прямой как обычно. Поравнявшись с ней, остановился, посмотрел ей прямо в глаза, как смотрят судьи.

— Здравствуйте, сударыня, — сухо поздоровавшись, граф отправился дальше.

В следующий раз они увиделись только вечером за ужином. Он шел по залу. Его волосы, хоть и посеребренные сединой, были густыми и длинными. Свет горевших вдоль стен свечей выхватывал из глубин его шевелюры иссиня-черные проблески.

В замке были гости, поэтому стол накрыли в обеденной. Не только он не спускал с нее глаз во время ужина, все окружающие делали то же самое. И одному Богу ведомо, что они видели.

Графиня почти не участвовала в беседе, порой даже не слушала, что говорят, погруженная в свои мысли. Но когда поднимала глаза, всякий раз натыкалась на блеск северной стали в направленном на нее взгляде мужа.

Почему-то думала она сейчас о том, что ей так и не удалось нарожать ему много детей… Она беременела еще несколько раз, но ее тело выкидывало младенцев. Графиня помнила, с каким неподдельным волнением и страхом за ее жизнь он сидел у ее постели всякий раз, когда ей было плохо. Доктор говорил, что должно быть это были мальчики, девочке бы удалось задержаться в ее утробе. После очередного выкидыша она снова молилась о ребенке, и снова его теряла. А потом и вовсе перестала беременеть. И смирилась с невозможностью произвести на свет еще одного малыша.

В ночь после возвращения графини случилось то, что на какое-то время отвлекло чету де Куси от всего произошедшего между ними. Зарево вдали Анна увидела в окно. Лишь подумала устало, что где-то пожар. Но едва начала засыпать, как ее разбудил шум. Гул стоял и в замке и за его пределами. Графиня, накинув пеньюар, спустилась вниз и на нее буквально налетела Александрин — растрепанная, заплаканная, одета, как попало.

— Мамочка! Ты здесь! Слава богу, ты вернулась! У нас беда! Филипп отправил меня сюда, потому что где еще искать приюта, как не у родителей. А сам остался там, помогает тушить огонь.

Оказалось, в поместье Брионе начался страшный пожар. Барон отправил молодую жену, а вместе с ней и служанок, в замок де Куси. Сам же со слугами пытался потушить объятый пламенем дом.

Графиня только успела увидеть, как ее муж, уже одетый в коричный костюм для верховой езды и ботфорты, на ходу завязывал волосы в хвост и отдавал распоряжения подготовить лошадь. Он со своими людьми собирался ехать Филиппу на помощь. До поместья верхом можно было добраться минут за пятнадцать.

Всю ночь графиня почти не отходила от окна, ожидая возвращения графа. Александрин, долго плакавшая, наконец, успокоилась и заснула в ее постели.

Уже под утро графиня услышала шум, но так как еще не расцвело, она не могла разглядеть супруга в толпе подъехавших к замку людей.

Быстро спустившись, Анна застыла на ступеньках и пораженно смотрела вниз. Какие-то незнакомые люди сновали туда-сюда, повсюду царил хаос, гул голосов, где-то что-то упало, послышался звон разбившейся посуды. И среди всего этого на полу лежал Филипп, граф же стоял на коленях рядом. Темная прядь выбилась из хвоста и упала ему на лицо, но он не обращал внимания. Лицо его было сосредоточенным, брови сведены, отчего между ними пролегла глубокая морщина. Он крепко прижимал кричавшего от боли зятя к полу, пока доктор обрабатывал его ожоги. Часть лица барона и рука были изуродованы огнем. Графиня зажала рот, почувствовав тошнотворный запах горелой плоти и волос.

Глава 8. Внебрачный сын

Последующие дни были наполнены суетой и хлопотами. Уезжали и приезжали какие-то люди. Граф руководил устранением последствий пожара. Увы, особняк невозможно было спасти. Дом пришлось сносить, в будущем на его месте будет отстроен новый. Наконец, спустя примерно неделю жизнь вошла в привычное русло.

В гостиной было очень светло от множества свечей. На небольшом столике стояли сладости и фрукты.

— Вы знаете Армэля и Александрин с детства? — спросила Эжени. — А какими они были?

— Граф искал гувернантку, которая бы хорошо владела французским и испанским, — начала рассказывать мадам Перо. — Ему порекомендовали меня. Я знала, что мне предстоит заниматься воспитанием восьмилетней девочки. Когда приехала, увидела графа и графиню, мы обсудили все вопросы. И вот пришло время знакомиться с моей воспитанницей. Александрин в детстве была словно кукла! Представьте — маленькая девочка, пухленькая, розовощекая, глаза в пол-лица голубые-голубые. Но главное — волосы. Если в руку взять — толщиной с кулак, причем как у головы, так и на концах, светлые как пшеница, длиной до середины бедра. Я была очарована ею. Мы с Сандри — ее так называли служанки-испанки — быстро подружились. И во Францию потом я согласилась ехать. Как же оставить такую принцессу? Теперь вот буду заниматься воспитанием ее малыша.

— Малышки, — поправила Александрин. — Я думаю, у меня будет очаровательная девочка, блондинка похожая на меня! Иначе и быть не может!

— А Армэль? — Напомнила Эжени.

— Господину виконту тогда было пятнадцать лет. Я редко видела его, потому что он либо был занят уроками, либо пропадал где-то в обществе старшего брата…

Тут мадам Перо запнулась и как-то испуганно посмотрела на окружающих. Александрин поджала губы. Армэль с осуждением посмотрел на гувернантку сестры. И только Эжени ничего не поняла.

Это был один из обычных вечеров в замке. Пока Филипп де Брионе не поправится, было решено, что они с Александрин останутся здесь. Поэтому здесь же гостила кузина Филиппа Эжени де Брионе. Она являла собой полную противоположность шумной, капризной и язвительной Александрин. Эжени смущалась всякий раз, когда разговор касался каких-нибудь слишком откровенных, по ее мнению, тем. Так было и сейчас, когда в беседе Армэль упомянул, что изучает труды кардинала Ришелье и, ознакомившись с его биографией, узнал, что у того было немало любовниц и внебрачных детей.

— У Ришелье были любовницы? — изумилась Эжени. — Но ведь он священнослужитель!

— Мой крестный, аббат Дюамель-Дюбуа, тоже священник, и что же?

— И у него есть любовницы? — воскликнула девушка.

Армэль расхохотался.

— Но Ришелье был прелатом, высшим духовным лицом… — пробормотала, чуть покраснев, она.

«Хм… В ней величия ни на грош», — пренебрежительно подумала Александрин.

Гордая дочь графа де Куси видела в родственнице лишь мишень для острот, но никак не ровню себе. Однако что бы там ни думала Александрин, в том, что касается внешности, Эжени была далеко не дурнушка. Смуглая, темноволосая, с выразительными зелеными глазами и широкими черными бровями, она выглядела очень ярко. Только вот ее скованность не давала девушке раскрыться. Хотя сквозь эту скромность и просвечивала некоторая бесшабашность.

Все это время Эжени, наоборот, любовалась женой кузена. Волосы Александрин словно излучали сияние, а сама она светилась весельем и радостью. Эжени еще не доводилось видеть таких очаровательных женщин. «Наверное, графиня была такой же в юности», — думала девушка. Хотя то несколько отчужденное спокойное достоинство, присущее графине в общении с не очень близкими ей людьми, тоже восхищало мадемуазель де Брионе. Холодность, сильнее проявившаяся в характере Анны с возрастом, заставляла окружающих уважать ее и немного побаиваться.

— Это не мешало кардиналу быть весьма неравнодушным к женскому полу, — наконец сказала слышавшая их разговор графиня. — Занимаясь политикой и делами церкви, монсеньор не забывал и о земных утехах.

— Я думаю, ему их приписывала молва, — все-таки не могла успокоиться Эжени.

— Ну, с Марион Делорм у него наверняка был роман. Об этом не слышал только глухой.

— Это правда, что она переодевалась пажом и приходила к нему на свидания в садовую беседку? — спросил Армэль.

Графиня пожала плечами.

Роман с известной французской куртизанкой у Ришелье действительно был. Но продлился не долго. Впоследствии они поддерживали чисто деловые отношения — мадам Делорм была его осведомительницей и получала солидное вознаграждение за это. Гораздо более долгие отношения связывают кардинала с его собственной племянницей Мари-Мадлен де Виньеро, герцогиней д'Эгильон, которая даже подарила ему четверых детей.

— А то, что Ришелье предлагал куртизанке Нинон де Ланкло пятьдесят тысяч экю за услуги — тоже правда? — поинтересовался виконт.

— Армэль, откуда я знаю, — бросила ему мать.

— Да, Армэль, это никому не интересно кроме тебя, — вставила Александрин.

И чтобы продемонстрировать, насколько мало ее волнуют амурные дела великого кардинала, перевела тему разговора:

— Матушка, можно я, пока Филиппу не станет лучше, буду спать в твоих покоях?

— Конечно, Александрин, — ответила графиня и снова погрузилась в изучение тканей, образцы которых ей привезли для нового платья.

Армэль недовольно смотрел на сестру.

— У тебя что, нет спальни, несчастная бродяжка? — возмутился он.

— Мне страшно спать одной.

«Неужели она не понимает, что у матери есть своя жизнь? — внутренне негодовал виконт. — Они так никогда не помирятся!»

Юноше хотелось, чтобы у родителей все было хорошо. Он помнил, что когда был маленьким мальчиком, не раз замечал, как матушка утром выскальзывала из спальни отца, как они целовались в коридоре, пока думали, что никто не видит, как граф называл ее порой «моя Суламифь», а она его «мой возлюбленный царь»[3].

— Графиня, — повернулся к матери Армэль. — Зачем вам очередное платье? Лучше займитесь воспитанием дочери и объясните ей, что нельзя быть такой эгоисткой!

— Виконт, вы мне все больше кого-то напоминаете, — усмехнулась Анна. — Когда там вы отправляетесь в свой приход? А то прихожане заждались.

— Матушка! — юноша, засмеявшись, подошел к ней, обнял и поцеловал в щеку. — Я пока не собираюсь уезжать. У меня дела тут. Вам придется потерпеть двух ворчливых мужчин в замке.

— Одного. Ваш отец утром уезжает.

— Куда? Он же только поправился.

---

[3] Имеется в виду царь Палестины Соломон. Суламифь — его возлюбленная.

— Он не считает нужным объяснять, что и зачем делает. Во всяком случае, мне, — очень тихо сказала она.

Занятые беседой с мадам Перо Эжени и Александрин не слышали ни слова из их разговора. Армэль, все еще обнимавший мать, с грустью посмотрел ей в глаза. Но она отвернулась, снова взяв в руки ткань, не выдержав все понимающего взгляда сына. Думала ли, как туго ей придется, когда выходила замуж…

— Вот эта ткань лучше, — виконт ткнул пальцем в атлас насыщенного пурпурного цвета, отошел и уселся на свое место.

Взяв гитару, он под собственный аккомпанемент стал напевать что-то на испанском. Голос у него был очень приятный, довольно низкий для его возраста.

— Вы так хорошо поете, еще и на испанском! — зачарованно произнесла Эжени.

— Я жил в Испании почти всю жизнь, и знаю его лучше, чем французский.

Мадемуазель де Брионе очень нравился Армэль. Ее удивляло, как сильно он похож на отца — этого видного мужчину с негромким спокойным голосом.

— Хм, ничего особенного, — фыркнула Александрин. — Я пою на испанском еще лучше. Хотите послушать?

Никто не изъявил особого желания, но баронессу это мало заботило. Она уже сидела за клавесином и пела какую-то песенку о жене-изменнице, сбежавшей с любовником от рогоносца-супруга.

«Она что нарочно?» — Армэль в очередной раз хмуро взглянул на сестру, хоть и понимал, что песню она выбрала просто потому, что та ей нравилась. Потом виконт перевел взгляд на графиню, которая подняв голову, смотрела на дочь странным взглядом. Она была очень бледна.

Эжени искренне восхитилась пением Александрин, та гордо выпрямившись, приняла похвалы.

— Хочу еще пирожное. Пусть принесут, — сказала она служанке.

— Может тебе достаточно, дорогая? — взглянула графиня на дочь.

— Вы тоже заметили, что я поправилась? Я чувствую себя бочкой! Мама, это кошмар. Я не думала, что будет так. Моя прежняя фигура вернется?

— Если будешь есть меньше пирожных, да.

— Александрин, ты ужасна, — вдруг не выдержал, раздраженный нытьем сестры, Армэль. — Твой муж болен. Ему нужна поддержка, а ты почти не заходишь к нему. И гораздо больше тебя заботит всякая чепуха.

Повисло молчание. Юная баронесса, казалось, потеряла дар речи, настолько ее обидели слова брата.

— Ты и к отцу ни разу не зашла, когда он болел. Что ты за человек такой!

После этих его слов Александрин стремительно вышла из гостиной.

Позже виконт заглянул в комнату матери, где на кровати в одиночестве сидела плачущая Александрин. Обнял сестру, прижав к себе и поглаживая по щеке, чтобы вытереть слезы. Извинился, сказал, что был не прав, но баронесса возразила.

— Нет, ты прав. Я просто боюсь. Боюсь видеть Филиппа. И отца боюсь. Если бы не я, они с матушкой не поссорились бы. Это я во всем виновата.

Уже была почти ночь, когда Александрин зашла в комнату к мужу. Тот лежал на кровати, и казалось, спал. Пахло лекарствами, целебными мазями, и воздух в помещении был очень тяжелый. Но превозмогая тошноту, баронесса подошла к постели и взглянула на супруга. Из-за бинтов было не разобрать, насколько сильно повреждено его лицо. Он смотрел на нее одним глазом. Веко второго деформировалось из-за ожога и сильно опустилось.

Баронесса погладила его по здоровой половине лица, провела кончиками пальцев по подбородку. Потом легла рядом, положив голову ему на плечо и обняв мужа.

— Я люблю тебя, Филипп, — прошептала она.

Утром следующего дня граф уже был в седле. Несмотря на ранний час и прохладу, Анна вышла в парк. Кутаясь в широкую накидку, отдавала распоряжения садовнику. Мельком взглянула на мужа. В утренней дымке его плащ красиво развивался по ветру, когда он пустил коня рысью, выезжая за ворота.

Арман встретился с аббатом Дюамелем-Дюбуа в гостинице в Париже.

— Мы проигрываем, граф.

— Да, это понятно.

— Возможно, мне придется уезжать в Испанию. Надолго. Скорее всего, навсегда. Вы не думали о том, чтобы поступить также?

— Нет, я никуда не собираюсь бежать. Мне есть, что терять здесь.

Анри понимающе кивнул.

— Вы не общаетесь с графиней? — спросил аббат.

— А что мне с ней обсуждать? То, как прошло ее романтическое путешествие во Флер Нуар с Монфором?

Он был готов наговорить ей много чего, хотел даже избить ее, или просто уничтожить. Но в нем всегда жил один страх, который его сдерживал. Даже не страх, а какое-то необъяснимое словами чувство вины перед ней. Хотя этого он бы никогда не признал. Он любил ее, а она сошлась с его другом! Потаскуха.

— Когда я заезжал туда, Монфора там не было. Ну, Бог с ним… Мне кое-что другое интересно. Я думаю, за столько лет нашей дружбы заслужил право на некоторую неделикатность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.